ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

# ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 42 15 ИЮНЯ 1903 ГОДА. № 42

## ТРАГИКОМЕДИЯ МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ.

Он убит — этот глупый, маленький король, герой кафешантанных мотивов и краткого, но полного самых неожиданных приключений царствования! [1] Всегдашнее орудие интриг, игрушка в руках карьеристов, он сам — выродившийся потомок воинственного свиновода — десять лет «играл» в конституцию, тасовал, как колоду карт, ее параграфы, «сдавал» и вновь отбирал их у своих «верноподданных» и, вначале под опытным руководством шантажиста-отца, а потом за собственный страх и риск вел «игру» наверняка — в безответной крестьянской стране, где так много разноцветных политиканов и нет совсем *народного* движения. И он бы еще долго «играл» среди разоренного народа, покорно несущего бремя растущих долгов и налогов, если бы несколько неловких ходов не поставили его в противоречие с тем деликатным механизмом, при посредстве которого осуществляют свою — «божьей милостью» — власть самодержцы всего мира, великие и малые, как прикрытые конституционными формами, так и те, что, не стесняясь, выставляют напоказ наготу своего самодержавия. Он посмел, в угоду своим фаворитам, третировать ее величество — военно-бюрократическую клику, т. е. безумец преступил тот предел, который безнаказанно преступать не дано ни одному самодержцу. И клика расправилась с ним — на глазах равнодушного народа. В одном из закоулков дворца, где он тщетно искал спасения, он пал, пронизанный десятками пуль, среди шумной толпы разгоряченного вином офицерства. Его тело и тело изуродованной Драги это храброе воинство выбросило за окошко, и там, во дворе, они долго оставались лежать, с размозженными черепами, перед домом русского посольства.

Военная клика торжествовала «победу» в Белграде. «На следующий день, — говорит один очевидец, — на улицах было много пьяных; офицеры и солдаты расхаживали, обнимаясь, и пели песни. Около десяти часов утра какой-то группой офицеров был отдан приказ, и дома расцветились флагами. Все утро магазины были закрыты, зато бойко торговали рестораны. В одном из них виднелся спокойно сидящий за кружкой пива заправило ночного геройства — полковник Мишич. Все были довольны, и у всех на устах был — Карагеоргиевич».

Король убит, но да здравствует король, и если нет короля, его надо выдумать. В состав военно-бюрократической системы обязательно входит «помазанник» власти, носитель ее престижа. Не годится один, подойдет другой, но кто-нибудь *должен* непременно найтись — во славу системы. И это тем легче, если кандидат на власть давно уже ждет призыва, пристально следит за каждым шагом противника и исподволь ткет паутину.

Князь Карагеоргиевич усиленно поддерживал сношения с сербскими политическими деятелями, ездил за последнее время несколько раз из далекой Женевы в близкую Вену, виделся — как предполагают — с разными лицами на самой границе Сербии и, во всяком случае, был тесно связан — по собственному же признанию — с партией своих сторонников, которая во всей стране образовала комитеты и энергично готовилась к перевороту. В самом предприятии принимало участие около ста офицеров. Между ними были делегаты почти всех гарнизонов. Они организовали ночную «экспедицию», они с оружием в руках сформировали «временное правительство» и они же — под звуки взводимых курков — заставили членов скупщины одного за другим «единогласно» прокричать имя нового господина.

Трагедия монархической власти окончилась, начиналась комедия. По ступенькам опустелого, забрызганного кровью трона подымалась опять «божией милостью» фигура. И эта фигура, воздымая очи горе, благодарила «провидение», «сподобившее» ее «милостью и волею божией» «занять престол» ее «славных предков» и посылала свое «королевское одобрение» скупщине за то, что та «присоединила глас свой к гласу всевышнего» и «в полном согласии с ним» облекла ее властью. И она же, вопрошая, взирала на своих венценосных коллег: что скажет монархическая Европа, что скажет самодержец России?

А положение было своеобразное. Удары, направленные против Александра и Драги, именно потому, что это были удары взбунтовавшейся *власти* против ее носителя, неизбежно в корне подрывали основы монархизма, лишая монархию последнего отблеска былого обаяния. Как быть? Терпеть ли в XX веке на троне лицо, по дороге к власти перешагнувшее через труп соперника, или во имя задетого принципа поднять чреватый последствиями вопрос о международном давлении? Но пока Европа размышляла, из Петербурга пришел уже лозунг — Россия возобновляла дипломатические отношения с новым сербским правительством, Николай II посылал свои «искренние пожелания» новоиспеченному властителю. «Авантюрист, приглашенный принять корону из окровавленных рук изменников», — так, позабыв осторожность, выражался о новом величестве «гражданин» Мещерский [2], — обнимался по телеграфу с самодержавным представителем дома Романовых.

И в то самое время, когда газеты Европы, обрадовавшись случаю, изливали потоки негодующего красноречия на действующих лиц белградской катастрофы, официальная и официозная пресса России проявляла необыкновенную сдержанность. Орган министерства иностран-

ных дел, «Journal de St.-Petersbourg» лаконично выражал лишь «сожаление» о происшедшем «кровопролитии». «Новое Время», источив две-три крокодиловы слезы, хлопотало, главным образом, о том, как бы выгородить партию руссофилов-радикалов, очутившуюся после переворота у кормила «временного правительства», от соучастия в перевороте. Говоря об отрадном факте быстрого введения «порядка» в стране, оно в то же время писало: «Об'яснять это тем, что радикальной партии было хорошо известно о готовящемся перевороте... нет оснований. Скорее можно предположить, что необходимость изменения существующего порядка вещей за последнее время стала сознаваться всеми, вследствие чего план действий... создался сам собой, без всякого предварительного уговора». И газета, кстати, не забыла перечислить все грехи Обреновичей и все достоинства «более национальной династии» — Карагеоргиевичей. И только уже после того как австрийский император в своей телеграмме категорически заявил о необходимости наказания заговорщиков, русское правительство спохватилось и задним числом заговорило о невозможности «попустительства». «Клятвопреступники, запятнавшие себя позором цареубийства», должны потерпеть возмездие. Король Петр произведет «расследование». Так значилось в «правительственном сообщении»,—и, как по мановению режиссерской руки, лицедеи русской прессы стали усиленно работать над тем, чтобы локализировать общественное внимание на кучке исполнителей, искусно отводя его от тех, кто благоразумно стоял за кулисами исторической сцены. А между тем «законно» избравшая короля скупщина «благодарила» в то же время — за понесенные труды — всю армию, руссофилы-радикалы делили свою власть с ночными убийцами, и на всем этом «комедийном действии» отражалась гигантская тень умывающего руки, как Пилат, российского самодержавия. Истории еще придется сказать свое слово о неизвестном прологе белградской трагедии. Но уже теперь нескромность показаний иного «свидетеля» нет-нет да и бросит неожиданный свет в эту темную сферу тайных воздействий. Так, например, по словам нововременского корреспондента, была одна причина, «ускорившая катастрофу» последнего представителя из дома Обреновичей. Сознавая «шаткость своего положения», король Александр будто бы вел в последнее время переговоры с Австрией «для заключения» особого «договора». Австрия обязывалась поддерживать сербского короля, Сербия становилась в положение «австрийской провинции». Понятно, эти переговоры «не были тайной для более серьезных и влиятельных деятелей и сербских патриотов». Понятно, «они усмотрели большую государственную опасность в этих происках», и понятно, — прибавим мы от себя, — если свидетельство это верно, русская государственная машина, почуяв своего традиционного конкурента на Балканском полуострове, не осталась в положении безучастного зрителя.

Как бы то ни было, заняв в отношении к сербскому перевороту исключительное положение в концерте европейских держав, русское правительство проявляло лишь обычные черты своей «реальной» политики, свободной от какого бы то ни было «принципа» и имеющей всегда в виду интересы настоящей минуты. Самодержавию нет дела до того, что с монархической власти где-то сорван остававшийся идеалистический покров. Двуглавый орел покровительственно держит свою лапу над властью, рожденной в шуме военного пронунциаменто, что не мешает однако этой хищной птице, исподтишка производящей воровские набеги, лицемерно кричать о наказании цареубийц.

Цареубийц! Россия не мало видала их за последние двести лет: графа Орлова, душившего Петра III ради прекрасных глаз Екатерины; графа Палена, Зубова, Беннигсена, всю ту сотню молодых офицеров, которые в достопамятную ночь 11 марта 1801 года лихорадочно искали — по всем концам Михайловского замка — спрятавшегося за экраном императора. И когда они его нашли, они расправились с ним точь-в-точь современные сербы — свалили ударом кулака, топтали его тело ногами, душили его собственным шарфом. Павел был убит. Путь расчищен: сын Павла взошел на престол. Заговорщики высоко несли свои головы и званым обедом отпраздновали свое торжество. Таково было воспетое поэтом — «дней Александровых прекрасное начало».

И однако современный самодержец России может спать спокойно, не боясь своих присных: эра дворцовых переворотов в России прошла[3], но прошла не потому, чтобы военно-бюрократическая клика не была способна теперь поднять руку на неугодного ей представителя, а потому, что она хорошо сознает или инстинктом чувствует, что такой переворот в современных условиях России неизбежно превратился бы в революцию. И чем выше поднимаются волны общественного движения в стране, тем меньше остается возможности для клики рисковать потрясениями. Хочет она того или нет, она спаяна с своим представителем в одно нераздельное целое. И это целое, что дальше, то больше, уходит все в напряженную, отчаянную борьбу с непокорным рабочим народом.

А надежды народа — не в интригах двора и междоусобной бюрократической сваре. Все огромное здание самодержавного строя, не один лишь его коронованный орнамент, должно пасть, подмытое волной революционного под'ема.

И современным борцам за свободу России нечего делать в коридорах дворцов, их место — на улицах, на площадях несчетных русских городов, среди возмущенного народа!

*[Старовер-Потресов]*

---

## КИШИНЕВСКАЯ РЕЗНЯ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС.

(Перевод с немецкого.)

Редакция «Przegląd Socyaldemokraticzny» (Орган Социал-Демократии Русской Польши и Литвы) предложила мне высказаться по поводу кровавой бойни в Кишиневе. Не легко, удовлетворяя этому желанию, удержаться от выражения вполне понятного чувства отвращения перед ужасающими зверствами. Трудно думать спокойно и трезво о событии, одна весть о котором леденит кровь в жилах и в то же время разжигает нашу ненависть к его виновникам. Кроме того, всякому нерусскому трудно понять особенности положения еврейства, с одной стороны, и антисемитизма в России — с другой.

Уже западно-европейский антисемитизм есть крайне сложное явление. Сами антисемиты, — поскольку они вообще раздумывают над своими действиями, что с ними случается довольно редко, — стоят на почве расовой теории: в своей ненависти к евреям они видят закон природы; еврейская раса, по их мнению, уже от природы своими особенностями обречена на то, чтобы внушать всякому не-иудею чувство ненависти и желание ее преследовать. Еще более мистична точка зрения либерального филосемитизма, видящего во вражде к евреям только продукт народного безумия. В противоположность этим воззрениям все более и более распространяется воззрение социалистическое, рассматривающее современное антисемитическое движение как часть классовой борьбы, как продукт борьбы разоряющихся народных слоев, доведенных до отчаяния. Погибающее ремесло борется с крупной промышленностью и посредничеством; мелкие торговцы—против крупных торговых домов; запутавшийся в долгах крестьянин—против ростовщика и торговца, в особенности торговца скотом и зерном. Падение этих слоев все более и более выбивает их молодое поколение из прежней (отцовской) колеи и гонит в ряды интеллигентных профессий, вызывая уже теперь переполнение этих профессий. Все эти слои настраиваются враждебно против еврейства, являющегося в их глазах представителем торгового и денежного капитала, в то же время выделяющего и в ряды интеллигенции многочисленные и подвижные элементы. Уничтожение (Niederschlagung) еврейства представляется этим слоям лучшим средством положить конец их собственному бедственному положению.

Это об'яснение западно-европейского антисемитизма нашего времени должно быть признано правильным, но его недостаточно, так как возникает вопрос, почему же именно евреи являются избранными представителями торгового и денежного капитала и интеллигенции. Имеем ли мы дело действительно с особенностью еврейства, и вытекает ли эта особенность из его расового характера? Она не есть нечто кажущееся, а существует в действительности, но, зависит ли она от характера еврейской расы, можно было бы решить, только зная в точности, что такое собственно раса. Но нам нет никакой надобности прибегать к понятию расы, не дающему действительного ответа, а лишь подымающему новые вопросы. Достаточно проследить историю еврейского народа, чтобы выяснить причины его характера.

Мы застаем евреев в Палестине владетелями горной области, с известного момента оказавшейся недостаточной для того, чтобы обеспечить своим обитателям такое же удовлетворительное существование, каким пользовались их соседи. В подобных условиях народ обращается либо к грабежу, либо к выселению. Так, шотландцы прибегали вначале к первому, впоследствии — ко второму выходу. После долгой борьбы с соседями на путь выселения вступили и евреи. Но горные страны с их замкнутыми долинами кладут глубокий отпечаток на их население; не легко приспособляясь к новой среде, оно и на чужой стороне не изменяет наследственным обычаям и нравам и не только не чувствует себя там хорошо, но все время стремится на брошенное место. Выходцы этих стран идут за пределы родины не затем, чтобы там оставаться, но только затем, чтобы возможно скорее возможно больше скопить богатства и вернуться с ним на родину. Не как оседлые земледельцы или основатели городов идут они в чужие страны, но как наемные авантюристы, подобно жителям Аркадии в древности, швейцарцам — в средние века и албанцам в Турции — в наше время, — либо как торговцы: таковы евреи, позднее — шотландцы, теперь — армяне. Мы видим, что одинаковые условия развивают у народов различных рас одни и те же особенности, одни и те же черты. Но помимо этой особенности, общей у евреев с другими горными племенами, в течение исторического развития евреев постигла судьба, какую ни одному народу не пришлось переживать: это — изгнание их с их собственной родины. На своей родной земле еврейство было истреблено и с тех пор живет на чужбине многочисленными колониями выходцев. Таким образом евреи перестали существовать как нация, так как нация немыслима без определенной территории. Они стали племенем, единственным (если не принимать во внимание мелких племен, лишенных всякого исторического значения, как цыгане), живущим как чуждый пришлец среди чуждого ему населения, с сильно развитым тяготением к родине, но лишенным ее; беззащитным, как пришлец, повсюду, часто только терпимым, часто преследуемым, не имеющим прибежища, где оно не было бы бесправно, где оно могло бы находить покой и безопасность. Наконец, это было единственное племя, в котором отсутствовал земледельческий элемент, — племя, скоро уже два тысячелетия живущее исключительно в городах, а где оно в немногих случаях решалось обосновываться в деревнях, существовавшее и там городскими промыслами. Торговля деньгами и товарами и интеллигентные профессии, то есть такого рода деятельность, которой уже и раньше занимались эмигрировавшие с родины их выходцы, стали теперь единственными источниками существования для всего еврейства. В течение средних веков, с их тенденцией к сословному разделению классов и занятий, фактическое ограничение евреев известными занятиями и местностями приняло форму ограничений юридических. Следствием этого было то, что у оторванного от массы населения еврейства развились его особенности гораздо в большей степени, чем то соответствовало бы его природе; эта замкнутость обострила и углубила обособляющие его черты и прибавила к ним целый ряд новых. Евреям было запрещено смешиваться с деревенским населением, свежая крестьянская кровь которого постоянно обновляла физически прочее городское население, правда — внося в него в то же время элементы духовной неподвижности и отсталости. Этим было затруднено развитие их физической силы, но тем быстрее шел рост их интеллигентности и умственной живости. Не удивительно, что и теперь еще, когда в Западной Европе пали все правовые перегородки между евреями и остальным населением, мы находим евреев в особенно большом числе и особенно преуспевающими среди капиталистов и интеллигенции. Столь же мало удивительно и то, что умственно неразвитые слои населения, — сюда относится значительная часть интеллигенции, идущей в учебные заведения только в погоне за хлебом, а не из-за жажды знания, — что эти слои, стесненные капиталом и переполнением либеральных профессий, видят в евреях не только олицетворение гнетущих условий, но и исключительную причину своих бедствий.

Но для России это об'яснение антисемитизма кажется мне недостаточным. Там, например, не наблюдается перепроизводства интеллигенции, а скорее, наоборот, недохватка интеллигентных сил. Этому надо приписать то, что в России учащаяся женщина находит себе горячий прием как помощница, в противоположность Германии, где мужская часть интеллигенции настроена по отношению к ней враждебно, видя в ней конкурентку. В Западной Европе одни и те же слои интеллигенции являются и наиболее ограниченными противниками женского образования и ожесточенными врагами евреев.

Но в России еврейство охватывает не только по преимуществу капиталистов и представителей интеллигентных профессий, как в Западной Европе, но и все городские классы, также ремесленников и пролетариев, в их числе беднейших из бедных. Как могла народная ярость обрушиться на этих последних?

Для того, чтобы об'яснить русский антисемитизм, надо принять во внимание не только особенности еврейского населения, но также и своеобразное положение всего русского народа.

Люди, живущие в примитивных — традиционных — отношениях, отрезанные от всего мира, видят в самих себе меру всего человеческого. Их среда, их мышление, их язык — представляется им чем-то естественным, и, наоборот, все отклоняющееся — противоестественным, отвратительным. Поэтому такие люди обычно относятся к чужим недоверчиво и даже враждебно, несмотря на отсутствие противоположности интересов, не считают их за людей с теми же человеческими чувствованиями и не останавливаются ни перед какими жестокостями по отношению к ним, жестокостями, которые в применении к своим — людям той же расы — показались бы всякому ужасными.

Менее всего эта враждебность относится, конечно, к тому чужестранцу, с которым приходится сталкиваться случайно и который так же быстро исчезает, как и появляется. Как курьез, он может возбудить гораздо больше любопытства, чем нерасположения. Где, наоборот, чужестранец чужд настолько, что отличается от массы населения обычаями, верою, языком и всем обличьем и где в то же время он является не случайным гостем, а соседом, с которым население постоянно сталкивается и стоит в тесном экономическом общении, носящем по общему правилу враждебный характер в обществе, основанном на экономических противоречиях, где недоверие и нерасположение постоянно обостряются всякого рода столкновениями на почве ежедневных вынужденных сношений, — там эта враждебность к чужакам легко принимает опасные формы.

В восточной Европе это относится к евреям, но нечто подобное мы может наблюдать и в других местах, где на одной и той же территории живет несколько различных племен. Добрую часть национальных конфликтов в Австрии и в Турции можно приписать именно инстинктивному отвращению некультурного населения к чуждым ему соседям. Так, в Соединенных Штатах, на юге, ненависть к неграм часто выливалась в формы, подобные еврейским погромам в России.

Чем может быть устранена эта враждебность?

Только тем, что инородные слои населения перестанут быть чужими, сольются с общей массой населения. Это — единственно возможное разрешение еврейского вопроса, и мы должны поддерживать все то, что способствует устранению еврейской обособленности. Но она является продуктом тысячелетнего развития, и ассимиляция с прочим населением не создается одним ударом. Пока же эта обособленность существует, только одно средство мы можем ей противопоставить — это просвещение народных масс. Конечно, просвещение следует понимать не в смысле излияний перед народом своего мо-

## «ОРТОДОКСАЛЬНОЕ» БУКВОЕДСТВО*

Неумолимый Рязанов не ограничился тем, что прочитал нам строгую и в то же время ехидную нотацию по поводу «союза *и*». Он подверг своему критическому разбору весь наш взгляд на основную причину промышленных кризисов и об'явил его неудовлетворительным и не «ортодоксальным». Маркс и Энгельс смотрели на этот предмет, по его словам, совсем не так, как мы. Мы и здесь уклонились от ортодоксии, убоявшись г. Бернштейна и его единомышленников. Но мы уже знаем, что у Рязанова рассудок гораздо слабее памяти; мы видели кроме того, что даже и память изменяет ему подчас самым вероломным образом. Посмотрим же, не напутал ли он чего-нибудь и в общей теории кризисов.

Чтобы как можно скорее уличить нас в ереси, Рязанов прямо и решительно ставит нам вопрос о том, чем обусловливается перепроизводство, проявляющееся, — как говорит наш проект программы, — в более или менее острых кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя. Наш проект отвечает на этот вопрос, говоря, что перепроизводство представляет собою неизбежное следствие технического прогресса (т. е. развития производительных сил) в буржуазном обществе, производственные отношения которого, уже и сами по себе крайне невыгодные для рабочего, все более и более изменяются в пользу капиталиста, причиняя этим относительное, а местами даже и абсолютное, ухудшение положения пролетариата. Но именно этот ответ и не нравится нашему будто бы ортодоксальному критику, именно против него-то и направляет он острый нож своего критического анализа. Самым первым и, как ему кажется, самым неопровержимым доводом против нашего взгляда служит у него следующая выписка из второго тома «Капитала»: «Сказать, что кризисы происходят от недостатка способных платить потребителей, будет простым тождесловием. Капиталистический строй не знает иного рода потребления, кроме платящего, исключая лиц, пользующихся общественным призрением, и мошенников. То, что товары не находят сбыта, означает только, что они не находят покупателей, способных заплатить за них, т. е. не находят потребителей (предполагая, что товары покупаются, в конце концов, для производительного или личного потребления). Если же этому тождесловию придать вид более глубокой основательности, сказав, что рабочий

* См. фельетон № 41 «Искры».

рального возмущения против антисемитизма, этого позорного пятна нашего времени. Мир чувствований человека не изменить путем увещаний. Поскольку он вообще изменчив, а не замкнут в рамках врожденных свойств, — его создает сама жизнь. И кто хочет изменить этот мир человека, тот должен внести новое содержание в его жизнь. Точно так же и там, где ненависть к евреям глубоко вкоренилась в народное чувство, она может быть устранена лишь просвещением, вносящим новое содержание в народную жизнь.

Если некультурного человека и его чужака-соседа не разделяют глубокие классовые противоречия, то его враждебность к последнему легко исчезает по мере того, как расширяется его горизонт и он проникается воззрениями и потребностями, прежде ему чуждыми, как скоро он перестает принимать перешедшее к нему от отцов за нечто непреложное, по мере того, как он научается видеть в этом духовном наследии тормоз своему развитию. Одним словом — по мере того, как из человека примитивного, живущего бессознательной жизнью, по готовым меркам, вырабатывается мыслящий революционер. Революционное мышление делает человека терпимым ко всякому чужестранцу, не-врагу, и только просвещение, способное пробудить в народной массе революционное сознание, сможет победить ее антисемитизм, поскольку он является лишь инстинктивным чувством враждебности, результатом первобытной ограниченности кругозора.

Наряду с ассимиляцией еврейства, революционное сознание массы есть лучшее противоядие против антисемитизма. Уже с давних пор в Западной Европе всякий класс, революционно настроенный, стремившийся избавиться от пережитков прошлого, не только не проявлял вражды, но, наоборот, выступал с симпатиями к еврейству. Соответственно этому самые глубокие и смелые мыслители еврейства постоянно воспринимали революционное сознание своего времени, что однако для них было возможно только тогда, когда они порывали с традициями еврейства и становились на почву общеевропейского культурного развития. Эта тесная связь между революционным чувством и эманципационными стремлениями еврейства не осталась незамеченной правительством разных стран, в том числе и русским. Поэтому-то оно ненавидит и преследует еврейство ничуть не менее революционных течений и делает все возможное, чтобы раздуть и усилить в населении ненависть к евреям. И правительство поддерживает эту ненависть не только тем, что отрезывает народу все пути к просвещению, которое могло бы внести в народную жизнь новое содержание,—оно мешает всякому сближению коренного населения с еврейским, не допускает их смешения и своими действиями прививает народным массам убеждение, что еврей бесправен, что он стоит вне закона и вне общества. И когда народные массы, доведенные нуждою до отчаяния, выливают его в диких вспышках, слуги царя направляют народное возмущение на еврейство. Евреи служат как бы громоотводом для тех бурь, которые скапливаются над головой самодержавия. Погромы и избиения евреев есть единственное народное движение, разрешенное русским правительством.

Когда год тому назад градоначальник г. Одессы, граф Шувалов, узнал о предполагаемой на 1 мая демонстрации, он призвал к себе еврейских рабочих и пригрозил им, что он обратит демонстрацию в еврейский погром.

В этом году кишиневская резня возникла как раз во-время, чтобы помешать празднованию 1 мая. В Киеве наши русские товарищи в своей прокламации прямо говорят, что в виду настоящего настроения народных масс они отказываются от демонстрации 1-го мая

---

класс получает слишком незначительную долю своего собственного продукта и что беде можно помочь, увеличив долю его участия, вследствие чего повысится его заработная плата, то на это придется только заметить, что кризис каждый раз подготовляется как раз таким периодом, в продолжение которого заработная плата вообще повышается и когда в действительности рабочий класс получает большую долю в той части годичного продукта, которая предназначена для потребления. Такие периоды должны были бы, наоборот, предотвратить кризисы с точки зрения этих рыцарей «простого» здравого смысла. Следовательно, оказывается, что капиталистическое производство заключает в себе условия, независимые ни от доброй воли, ни от злого умысла, допускающие сравнительное благосостояние рабочего класса только на короткое время и которые бывают всегда только буревестниками кризиса».

Рязанов думает, что эта цитата разом ниспровергает весь наш взгляд на основную причину кризисов. Но он думает так единственно потому, что, запомнив некоторые термины Маркса, он не понял ни его экономического учения вообще, ни только что приведенной цитаты в частности.

Какой вывод вытекает из этой цитаты? Тот, — и только тот, — что капиталистическое производство в самом себе заключает условия, независящие от воли людей и роковым образом ведущие к кризисам. Этот вывод сделан самим Марксом, и его, разумеется, трудно было бы оспаривать. Но этот вывод ни крошечки не опровергает нас, потому что мы никогда и не утверждали противного. Ведь наш проект именно и говорит, что те условия, при которых развиваются производительные силы в капиталистическом обществе, неизбежно (т. е. независимо от воли людей) ведут к перепроизводству. Не противоречит нашему взгляду и то замечание Маркса, что ссылка на отсутствие способных платить потребителей не об'ясняет происхождения кризисов. Мы очень хорошо знаем, что — не об'ясняет, так как весь вопрос в том и заключается, чем вызвано отсутствие названных потребителей. Кто хочет ответить на этот вопрос, тот должен показать, в какой причинной связи находится это отсутствие с общим характером и развитием производственных отношений в капиталистическом обществе. Наш проект немногими словами обнаруживает эту причинную связь. Он показывает, что развитие капиталистических отношений роковым образом (т. е. опять-таки независимо от воли отдельных лиц) ведет к относительному, а иногда и абсолютному обеднению пролетариата. И здесь, — как и повсюду, — наш проект

и призывают киевских рабочих защищать евреев при могущих возникнуть еврейских беспорядках.

В Кишиневе рабочие также пытались защищать евреев, но они были разогнаны вооруженной силой, той самой вооруженной силой, которая спокойно смотрела на грабителей и убийц; и не кто иной, как полицейские, предводительствовали шайками громил.

Евреи в России имеют только одного верного друга — это революционное движение. Оно одно деятельно работает против антисемитизма, раз'ясняя массам их истинные интересы и показывая им их истинных врагов; еще сильнее подрывает оно антисемитизм тем, что выводит массы из их узкого кругозора, прививает им новые потребности, новые воззрения, общие всем культурным людям, будь то еврей или не еврей, — наконец тем, что совместной работой об'единяет в общей классовой борьбе еврейских и нееврейских рабочих.

Напротив, сионистское движение может только усилить вражду к евреям в народных массах, поскольку оно увеличивает обособление еврейства от остального населения и все более делает евреев чуждым племенем, которому нечего добиваться на русской почве. Этим оно помимо желания играет в руку царизму, и потому правительство терпело его до сих пор. Теперь, конечно, большинство сионистов излечится от надежд, возлагавшихся ими на царя.

Не подлежит никакому сомнению, что главным виновником кишиневских убийств является русское самодержавное правительство; косвенно оно виновато тем, что умышленно держит народные массы в невежестве, тщательно изолируя их от остального мира и от всяких новых «идей»; прямым же виновником оно является в лице своих местных органов, которые были деятельными подстрекателями массы в кишиневском погроме. Но существует и другой виновник этих ужасов. Уже давно русский царизм пал бы под тяжестью своих прегрешений, если бы он не находил себе постоянно моральной и финансовой поддержки в Западной Европе. Правительства наиболее передовых культурных государств Европы поддерживают систему, плодящую такие позорные явления; Французская республика вступает с царизмом в союз, «товарищ» Мильеран целует ему руку. Не менее услужливой перед царизмом выказала себя и «большая» пресса Европы, и при любезном содействии правительств и прессы западно-европейские финансисты всячески старались, чтобы русский царь при каждом займе получал ровно столько, сколько ему было нужно для того, чтобы отсрочить банкротство своего режима. Эта пресса и этот финансовый мир, — а ведь о переполнении этих сфер иудеями так много кричат наши антисемиты, — прекрасно знают, кого они поддерживают. Ведь царизм никогда не делал тайны из своей вражды к евреям, и достаточно часто он проявлял ее разными законными и незаконными преследованиями евреев. И если, несмотря на это, финансисты всегда приходят на помощь царизму с новыми миллиардами, то этим они ясно доказывают, что капитал и его слуги плюют на всякую гуманность там, где им в перспективе виднеется прибыль; они доказывают также, как мало значит принадлежность к одной расе, как мало евреи России могут ожидать от еврейского капитала Западной Европы. И пусть русское еврейство не даст себя обмануть теми воплями, которые теперь подняла капиталистическая пресса. Европейский капитал будет продолжать поддерживать царизм, как он поддерживает и румынское правительство. В позорном кишиневском событии часть вины падает и на безразборчивость интернационального еврейского капитала и его органов. Еврейская солидарность, солидарность евреев всех классов, становится пустым звуком, лишь только дело идет более чем о грошевой милостыне, лишь только

---

остается вполне верным учению Маркса, который категорически утверждает, что «последней причиной всех действительных кризисов остается всегда (заметьте, Рязанов, *всегда*) бедность и ограниченность потребления масс, противодействующие стремлению капиталистического общества развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества»*. Пусть Рязанов потрудится доказать нам, что это категорическое утверждение Маркса хоть немного провиворечит тому, что сказано в нашем проекте.

Рязанов хорошо и сам знает, что никакого противоречия тут нет, и он предвидит, что мы, — если найдем нужным с ним спорить, — укажем ему именно на только что приведенные слова Маркса. Поэтому он сам счел нужным процитировать их, сделав по их поводу следующее замечание: «Но из этого еще далеко не следует, что „основатели научного социализма“ могли бы удовлетвориться при об'яснении кризисов ссылкой на „распределение национального дохода“, на „несоответствие покупательной способности населения данной страны ее производительным силам“, на „относительное и даже абсолютное ухудшение положения рабочего класса“ и т. д.».

Я остановлюсь на этом замечании потому, что оно чрезвычайно хорошо характеризует «критическую» манеру и метод мышления Рязанова, если только можно говорить о методе мышления человека, привыкшего оперировать только словами.

Маркс и Энгельс не удовлетворились бы при об'яснении кризисов ссылкой на распределение национального дохода, на бедность масс и т. д. Допустим, что это так. Но ведь и мы не удовлетворяемся; ведь и мы идем дальше, показывая, каким образом распределение национального или, — если угодно, — общественного дохода обусловливается развитием производственных отношений. Почему же Рязанов об'являет нас «удовлетворенными»? Просто потому, что ему нечего сказать и что он «критикует» подобно тому непривлекательному герою в одной из комедий Плавта, который, попав в затруднение, восклицает: «Теперь я должен путать, этого требует положение дел!»

А кроме того, я спрошу Рязанова: где, в каком случае Маркс и Энгельс не удовлетворились бы ссылкой (разумеется, не искаженной, а правильно понятой) на распределение дохода и т. д.? Если бы они писали

* «Капитал», том третий, стр. 395.

приходится сообща выступать против могущественного противника.

Подлинной, действительной является лишь солидарность пролетариата всех языков, всех наций. В классовой борьбе социалистического пролетариата исчезает глубоко вкоренившаяся противоположность между неграми и белыми в Америке, между иудеями и «арийцами» в Европе.

Только в этой солидарности почерпнет еврейский пролетарий силу, способную дать ему защиту от его притеснителей. Чем сильнее будет социалистическое движение, тем менее может опасаться все еврейство в целом, что направленная по ложному пути ярость отчаявшихся народных масс обрушится на еврейское гетто вместо того, чтобы обратиться против своего истинного врага — самодержавия, этого защитника всякого варварства.

И пусть солидарность между еврейским и нееврейским пролетариатом в России сделается еще теснее, чем была доныне, — пусть она будет результатом этой ужасной кровавой кишиневской драмы, чтобы хотя не даром была пролита кровь несчастных кишиневских жертв.

*К. Каутский.*

---

## ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ЦИТАТЫ.

«Рев. Россия» [4] цитирует в 24-м номере несколько строк из одной моей статьи, писанной в 1890 году, причем снабжает цитату следующим вступлением:

«Правда, указываемая здесь статья написана давно — когда В. Засулич [5] еще не вступала в «Лигу русской революционной социал-демократии», [6] не знакомила немецкой публики (в журнале «Neue Zeit» [7]) с деятельностью русских террористов по известным статьям «Искры» и не составила себе мнения о терроре, которое находится в полном противоречии с исторической действительностью. Но тогда впечатления ее были живее, и тем ценнее, конечно, для нас ее прежние свидетельства».

Само свидетельство заключается в том, что: «геройская борьба террористов продолжала держать в возбужденном настроении значительное число мирных либеральных обывателей, отозвалась на офицерстве и глубоко волновала студенчество». Далее говорится, что «будь тогда в Петербурге возможное восстание, которое выставило бы на своем знамени требование свободы и созвания народных представителей, вышеупомянутые общественные элементы сыграли бы в нем ту же роль, какую играли в политических революциях Зап. Европы XIX века».

Эта статья, помещенная в первом номере журнала «Социал-Демократ», [8] под заглавием: «Революционеры из буржуазной среды», была направлена против общераспространенного тогда мнения, что революционность нашей интеллигенции составляет нечто небывалое в истории Запада, где «буржуазные революции делала буржуазия». Проводя параллель между нашей революционной молодежью и теми революционерами из буржуазной среды, которые подготовляли революцию и участвовали в восстаниях на Западе, я брала наше движение целиком, начиная с шестидесятых годов, когда оно захватило широкие слои учащейся молодежи. По моему мнению, студенчество — не только семидесятых, но даже шестидесятых гг. — было уже достаточно возбуждено, чтобы броситься в восстание. Но до «Народной Воли» [9] сперва безмерная идеализация крестьян, а затем и бакунизм могли бы внести отрицательную нотку в отношение революционеров (а под их влиянием и студенчества) к городскому восстанию за «буржуазную» свободу. У народо-

---

специальное исследование о кризисах, то, разумеется, им этой ссылки была бы недостаточно. Но там, где речь идет об указании последней причины кризисов, — а в нашем проекте она идет именно о ней, — они не только удовлетворились бы, но и на самом деле удовлетворялись названной ссылкой, что доказывается приведенным мною местом из третьего тома «Капитала», написанным Марксом и оставленным Энгельсом без всяких поправок и комментариев, как нечто совершенно очевидное и неоспоримое.

Рязанов упрекает нас в том, что мы не выяснили, чем отличается теория кризисов Маркса от теории кризисов Родбертуса [10]. Это — поистине комичный упрек: в проекте программы совсем не место заниматься историей экономических учений. Но что нашего указания на распределение национального дохода недостаточно для того, чтобы об'явить нас родбертусианцами, это ясно видно из следующих строк Маркса:

«Все количество товаров, — как та часть, которая возмещает постоянный и переменный капитал, так и та, которая представляет прибавочную стоимость, — весь продукт должен быть продан. Если это не произойдет или произойдет только отчасти, или лишь по таким ценам, которые ниже цен производства, то хотя рабочие и эксплоатируются, но эксплоатация их для капиталиста не реализируется... Условия непосредственной эксплоатации и условия реализации нетождественны. Они не только не совпадают во времени и в пространстве, но представляют собою совершенно различные понятия. Одни ограничиваются производительными силами общества, другие — соразмерностью различных отраслей производства и потребительной способностью общества*. Последняя же определяется не абсолютной производительною силою и не абсолютною потребительною способностью, но потребительною способностью на почве антагонистических условий распределения, сводящих потребление значительнейшего большинства общества к наименьшей величине, изменяющейся лишь в более или менее узких пределах**. Она ограничивается далее стремлением к накоплению, стремлением к увеличению капитала, к производству прибавочной стоимости в более широких размерах... Поэтому рынок должен постоянно расширяться... Внутреннее противоречие пытается разрешиться расширением внешнего поля производства. Но чем более развивается производительная сила, тем более она впадает

---

* Подчеркнуто мною.
** Подчеркнуто опять мною. Г. П.

вольцев же, отказавшихся от расчетов на крестьянское восстание, это отрицательное отношение потеряло силу.

Оценка террористического способа борьбы не входила в задачи статьи. О терроризме в ней говорится лишь мимоходом. Тем не менее, эта оценка все же проскальзывает в строках, непосредственно следующих за местом, цитированным «Р. Р.». Сказав, что ни либералам ни студеитам делать при терроре было нечего, я добавляю, что вызванное им взволнованное настроение «только исчерпывало, истощало нравственные силы интеллигенции. Упадок движения в восьмидесятых годах не может быть приписан одной ловкости полиции, — в нем играла несомненную роль нервная усталость самой интеллигенции». Последних строк «Рев. Россия», разумеется, не приводит, довольствуясь моим свидетельством о силе впечатления, производимого террором. Но ведь таких свидетельств она могла бы найти сколько угодно и в моих статьях в «Искре» или в «Neue Zeit». В последнем, например, я привожу целый ряд относящихся сюда восклицаний социалистов-революционеров, закончив его торжествующим вопросом одной прокламации: «Разве девять из десяти образованных русских людей не приветствовали с восторгом казнь Сипягина?».[11] И я подтверждаю все это: да, приветствовали, — да, террор неудержимо вызывает радостное чувство удовлетворения и торжества над врагом. Но, прибавляю, конечно, что, если бы все революционные силы, вызванные к жизни современным движением, поддались сладкому чувству этого фиктивного торжества и ложного удовлетворения и стали бы жаждать и ждать его повторения, то такое настроение снова привело бы к «истощению нравственных сил» и упадку движения — внезапному, если бы террор, идя crescendo, прекратился, лишь достигнув своего высшего пункта (1 марта 1881 года), — или постепенному, если бы террористические акты не усиливались, а только повторялись, производя постепенно все меньше и меньше впечатления. Об «истощении нравственных сил», отмеченном в первом номере «Социал-Демократа», в «Neue Zeit» говорится подробнее; но если бы «Рев. Россия» заглянула в другие книжки того же «Социал-Демократа», прекратившегося в начале 1892 г., то нашла бы в статье по поводу романа Степняка еще более подробное описание того же процесса истощения, в зависимости от силы производимого впечатления. Приведу несколько выдержек. Показав, что по самым свойствам террора активную роль в нем могут играть очень немногие, я продолжаю: «В остальной массе революционеров политические убийства возбуждали не подражание, а лишь страстные, но неосуществимые мечты и восторги. Но в то же время пред блеском террористических подвигов тускнели в ее глазах все другие отрасли революционной деятельности, — все, кроме террора, теряло постепенно всякую привлекательность, переставало считаться революционным. Таким образом самою силою производимого впечатления террор еще более суживал и без того узкий поток революционного движения... Страстные борцы стремились к самому лучшему, к самому революционному поведению... Царь был убит, но дальше в избранном направлении итти было некуда, делать нечего, и движение быстро пошло под гору... На этот раз, в противоположность погрому 74-го года, с арестом действовавших революционеров исчезла самая возможность возобновления сильного движения. У оставшейся молодежи не было в виду никакого привлекательного дела, никакой сколько-нибудь выполнимой программы, никаких цельных воззрений, — ничего, кроме мечты о подражании террористам» («Соц.-Демократ» № 4, стр. 103 — 6).

---

в противоречие с узким базисом, на котором основываются отношения потребления» *.

К чему ведет это противоречие? К перепроизводству. Ясно, стало быть, что при «об'яснении» перепроизводства ссылка на отношения потребления и распределения не только неизлишня, но прямо неизбежна: отказаться от нее значит не выяснить ничего в этом предмете, и нужно быть Рязановым, чтобы по ее поводу кричать об измене ортодоксии.

«Присущая капиталистическому способу производства тенденция абсолютного развития сил и находит себе выражение не в перепроизводстве средств потребления, а в перепроизводстве средств производства, — поучает нас Рязанов. — В этом перепроизводстве и нужно искать главную причину кризисов» (стр. 42).

Тэ-э-эк-с! Но... пусть по этому поводу опять говорит автор «Капитала».

«Между капиталистами, изготовляющими товары, служащие постоянным капиталом, происходит непрерывное обращение... которое прежде всего не находится в зависимости от личного потребления в том смысле, что никогда не входит в него, но которое однако в конце концов определяется им, так как производство постоянного капитала никогда не совершается ради него самого, но только потому, что капитала этого требуется более в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление» *).

Как видно, говоря о кризисах, от личного потребления не уйдешь; а если не уйдешь, то не минуешь и того вопроса о распределении дохода в капиталистическом обществе, самая постановка которого заставляет Рязанова кричать: «Караул! изменили Марксу!» Нечего сказать, хорош ортодокс!

Прошу у читателя извинения за длинные выписки из «Капитала». Я нашел необходимым сделать их потому, что они, как мне кажется, исчерпывают вопрос и что из них видно, до какой степени были неверны Марксу те экономисты, которые пытались решить вопрос о рынках вообще и о кризисах в частности, отвлекаясь от отношений распределения. Революционная сторона марксовой теории кризисов состоит в указании на периодическое перепроизводство как на признак того,

* «Капитал», третий том, стр. 189 русского перевода. Этот перевод местами очень неудачен, потому я сделал кое-какие поправки в выписанных мною строках. Последние строки опять подчеркнуты мною.

* «Капитал», третий том, стр. 242. Подчеркнуто мною.

Ни «Искры» ни «Лиги» в 1891 году не существовало, и живость моих воспоминаний роман Степняка[12] мог только усилить, а, между тем, отрицательное отношение к террору едва ли выражено здесь слабее, чем в «Neue Zeit» или в «Искре». На самом деле, мой взгляд на систему политических убийств, предпринимаемых партией, сложился не теперь и не тогда, когда издавался «Социал-Демократ», а еще в то время, когда деятельность Народной Воли принадлежала не истории, а текущей действительности.

Тем не менее, между моими статьями в «Социал-Демократе» и теперешними разница, действительно, существует. Мой взгляд на террор не изменился, но мое отношение к Народной Воле, отразившееся в тоне статьи, так же сильно отличается от отношения к социалистам-революционерам, как отличаются от старых народовольцев их новейшие подражатели. Но здесь не место проводить параллель между ними — это потребовало бы отдельной статьи.

«Рев. Россия» утверждает, что, в противоположность террору Народной Воли, террор социалистов-революционеров окончится победой потому, что теперь массовое рабочее движение «уже есть и растет с каждым днем». С своей стороны, мы также убеждены, что террор социалистов-революционеров закончится совершенно иначе, чем народовольческий, что современное революционное движение переживет его и приведет к победе. Убеждены мы в этом потому, что организованную часть «растущего с каждым днем» массового рабочего движения составляет наша социал-демократическая партия, которая не допустит, чтобы сладкий яд фиктивного торжества и удовлетворения, вливающийся в сердца революционеров при известии об убийстве того или другого их врага, действовал без противоядия проверки чувства разумом, показывающим всю фиктивность и всю мизерность такого удовлетворения. Мы не дадим также социалистам-революционерам уверить всех и каждого, что «революционной борьбой», «отпором» и проч. следует считать только политические убийства и все другое чем-то почти позорным, требующим очищения выстрелами «Боевой Организации», не дадим — одним словом — вызвать того истощения нравственных сил, о котором я «свидетельствую» в статье, соблазнившей «Рев. Россию».

*В. Засулич.*

## КТО ФАЛЬСИФИЦИРУЕТ?

«Не за резкий обличительный тон получает „Искра“ протесты, а за извращение того, что ей не нравится», — вот открытие, сделанное некиим г. Круповым и обнародованное им в № 3 «Вестника Русской Революции» *[13]. На открытие это натолкнуло его второе издание брошюры Ленина «Задачи русских социал-демократов», в которой он усмотрел ни более ни менее как «историческую фальсификацию». В настоящее время, — говорит г. Крупов, — «задачи русских социал-демократов», как их понимает Ленин, признаются «большинством этих социал-демократов». Но 5 лет тому назад, когда он писал свою брошюру, они были чужды «социал-демократии» (?). Что же вытекает, — спрашивает себя, вероятно, читатель, — из констатирования этого факта? Если взгляды, несколько лет тому назад доступные пониманию только наиболее передовых единиц из нашей партии, стали теперь господствующими в ней, то это указывает только на то, что она сделала за эти годы значительный шаг вперед в своем политическом развитии. Но подобное

* «По поводу одной брошюры». Примечание на стр. 245.

что производительные силы капиталистического общества переросли свойственные ему имущественные отношения, т. е. его экономическую организацию. А по учению указанных экономистов выходило, что подобного перерастания нет и быть не может. Это их учение не только не обнаруживало основного противоречия развитого капиталистического общества, но, напротив, закрывало это противоречие рядами совершенно произвольно взятых примерных цифр, не менее произвольно построенных «схем» и ни на чем не основанных силлогизмов. Оно относилось к теории Маркса, как успокоительное утешение относится к грозному предсказанию. Рязанов нападает на нас именно с точки зрения этого учения. И это обстоятельство дает нам меру его «ортодоксальности».

Но пока довольно о кризисах, довольно о «серой теории». Поговорим о практических задачах нашей партии.

По мнению Рязанова, «Искра» из рук вон плохо решает эти задачи: здесь оппортунизм нашей редакционной коллегии дошел до апогея: здесь уступчивость бывшей Группы «Освобождение Труда» простерлась до того, что «старая революционная программа русской социал-демократии» оказалась целиком сданной в архив. Это поистине ужасно. И если этот ужас не придуман нашим беспощадным критиком, то надо признать, что бывшая Группа «Освобождение Труда», выработавшая «старую революционную программу русской социал-демократии», а потом сдавшая ее «в архив», по настоянию змия-искусителя, прямо-таки виновна в измене.

Но где ж не страшен прокурор?

Послушаем, на чем основывается обвинение.

Вот, например, Рязанову очень не нравится то место нашего проекта программы, в котором сказано, что в России, где капитализм уже сделался господствующим способом производства, на каждом шагу встречаются остатки старого докапиталистического общественного порядка, препятствующие экономическому прогрессу и не допускающие всестороннего развития классовой борьбы пролетариата. По поводу этого места Рязанов принимается, по своему обыкновению, иронизировать.

«Что ей Гекуба? — восклицает он. — Каким образом в социал-демократическую программу попал экономический прогресс? И неужели, желая содействовать всестороннему развитию классовой борьбы пролетариата, мы должны способствовать экономическому прогрессу?» (стр. 211)*. Слово прогресс кажется

* Подчеркнуто Рязановым.

заключение могут или могли сделать только читатели, рассуждающие по обыкновенной человеческой логике. Г. Крупов не принадлежит к их разряду. У него своя, новая логика, которая привела его к следующему, совершенно неожиданному заключению, именно—что «воспроизведение брошюрки» является теперь, «так сказать, исторической фальсификацией» (стр. 281).

Это обвинение составляет исходный и центральный пункт гневной филиппики, с которой г. Крупов выступил в последней книжке «В. Р. Р.» против Ленина и всей нашей Лиги, как издательницы его брошюры. Как показывают ссылки г. Крупова на мое предисловие к первому изданию этой брошюры, не кто иной, как я, ввел его в соблазн воспользоваться указанным фактом для мотивировки и обоснования своего «протеста» против нас — во имя «исторической» правды. По злой иронии судьбы, именно мои замечания о незрелости нашего движения в момент выхода в свет первого издания брошюры послужили нашему противнику свидетельскими показаниями против моих товарищей.

Вот суть той части моего предисловия, на которую ссылается наш рыцарь исторической правды.

Автор названной брошюры «обращается главным образом к противникам из лагеря революционной интеллигенции»; он старается «рассеять укоренившиеся в них предрассудки и предубеждения против социал-демократии», «устранить господствующие» в их среде «недоразумения насчет практических задач, вытекающих из учений социал-демократии» *. «Преследуя эту цель, автор естественно должен был особенно подчеркивать те стороны и те моменты нашего движения, в которых тенденция к постановке и осуществлению этих задач проявляется, так сказать, стихийно, хотя пока еще в зачаточных формах». Но чем неуклоннее держался автор этой цели, тем сильнее внимание его было поглощено выяснением «задач, вытекающих из учений социал-демократии», изложенных в классических произведениях наших западных учителей и пропагандировавшихся в русской социал-демократической прессе, тем в большей мере должно было оставаться в тени изображение фактического хода и состояние нашего движения. Отсюда — в результате впечатление, как будто в брошюре «помимо воли автора отождествляется то, что должно быть, с тем, что есть, задачи и тактика, которые русская социал-демократия должна преследовать чтобы остаться верной духу своих учений», являются как бы уже господствующими в нашем движении.

Я считал нужным отметить несовпадение фактического состояния нашей партии с идеалом, практики ее — с «духом наших учений», с теорией, потому что как раз около того времени, когда брошюра (манускрипт) попала в наши руки, среди наших более молодых товарищей за границей начала обнаруживаться склонность к самообольщению достигнутыми результатами движения и проявляться стремление даже к возведению в систему, в принцип партийной «тактики», сужение содержания социал-демократической деятельности тесным кругом примитивных интересов и потребностей, «непосредственно ощущаемых и сознаваемых» наиболее отсталыми рабочими массами. Автор же, вырванный царскими слугами из сферы деятельности вскоре после основания Спб. «Союза Борьбы за освобождение рабочего класса»,[14] унес с собой в тюрьму и ссылку совсем другие впечатления. В своей книге «Что делать?» он рассказывает, что пионеры периода сближения социал-демократии с массовым, стихийным движением рабочих, на почве их повседневных нужд и ближайших требований, «с самого начала выдвигали и самые широкие исторические задачи русской

* Курсив сделан мной теперь.

Рязанову не только лишним, но прямо непозволительным в социал-демократической программе. Он напоминает нам, что Маркс «никогда не говорил об экономическом прогрессе, он говорит только об экономическом развитии» (стр. 212). Пример автора «Капитала», конечно, всегда будет в наших глазах очень поучителен, но, не имея привычки останавливаться перед словами, а стараясь усвоить скрывающиеся за ними понятия, мы попросим Рязанова припомнить предисловие к первому изданию первого тома «Капитала», в котором говорится, между прочим, что Германия, как и вся остальная континентальная Западная Европа, страдает не только от развития капиталистического производства, но и от недостаточного его развития. «Наряду с современными бедствиями, — утверждает Маркс, — нас угнетает целый ряд унаследованных бедствий, вытекающих из прозябания старых, отживших свой век способов производства, со всеми сопутствующими им явлениями. Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых». Как полагает Рязанов, находил ли Маркс нужным содействовать устранению этих пережитков старого? А если находил, то почему оказываемся виновными в измене марксизму мы, стремящиеся к устранению до сих пор сохранившихся у нас в России многочисленных обломков докапиталистического порядка? Каким образом задача, бывшая обязательной и неизбежной в программе Маркса и его западно-европейских товарищей, стала неуместной и даже компрометирующей, попав в программу русских социал-демократов?

Но зачем понадобился вам экономический прогресс? — с горечью восклицает Рязанов. — Почему вы не говорите о развитии?

— Успокойтесь, почтеннейший! — отвечаем мы ему.— Вспомните, что мы стоим на диалектической точке зрения, а с этой точки зрения всякий процесс развития имеет два момента: возникновение и уничтожение, другими словами, — прогресс и регресс. Не будучи реакционерами, мы по необходимости склоняемся к прогрессу и считаем себя обязанными бороться со всеми теми явлениями и учреждениями, которые задерживают прогрессивное движение общественных отношений. Если бы мы думали иначе, то мы уподобились бы тем «истинным» немецким социалистам[15] сороковых годов, над которыми так едко смеялся «Манифест Коммунистической Партии» и с которыми у вас есть очень не мало сходства, обусловливаемого тем, что вы, подобно им, при вашей педантической любви к мудреным терминам, совершенно неспособны к диалектическому мышлению, без помощи которого невозможно ни

социал-демократии вообще и задачу низвержения самодержавия в особенности» (стр. 21 — 22). Что с удалением основателей Спб. Союза широкие, соответствующие духу марксизма, практические тенденции далеко не были вытеснены из него так наз. «экономизмом», это видно хотя бы из отношения его, да и провинциальных комитетов, к литературной группе, отстаивавшей эти тенденции, к группе «Освоб. Труда», получившей от него и от них полномочие организовать представительство от русской социал-демократии на международном социалистическом конгрессе, состоявшемся в 1896 г. в Лондоне. В конце того же года группе «Освоб. Тр.», а затем, по ее предложению, «Союзу русских социал-демократов»,[16] как целому, поручена была функция постоянного представительства русской соц.-демократии перед западными рабочии партиями. Вообще до конца 1897 г. систематический, сознательный антагонизм со стороны практиков нашего движения против программы, излагаемой в брошюре, не проявлялся наружу. И в то время, когда Ленин писал ее, притом в местах, довольно отдаленных от поля практической деятельности, он имел серьезное основание думать, что движение органически, неуклонно развивается в направлении к тем широким перспективам, с которыми носились его пионеры.

С другой стороны, кроме социал-демократического, у нас около середины 90-х годов другого сознательно-революционного движения почти-что и не было. Народовольчество и народоправчество[17] в очень сильной степени потеряли свое влияние на молодежь, симпатии которой всё более и более переходили на сторону марксизма. Чтобы закрепить эти симпатии и обратить их в прочный источник активной революционной силы, для соц.-демократии очень важно было окончательно освободить умы, воспитавшиеся на традициях и литературе наших демократических противников, от тех предрассудков и предубеждений против практических учений социал-демократии, которые посеяны были в них этой литературой и практическими представителями старых революционных воззрений. В «узости», в пренебрежении конкретными наболевшими вопросами русской жизни обвиняли, как известно, не тех или других «практиков» движения, даже не социал-демократическую молодежь вообще, а «социал-демократизм» как таковой: ответственность за односторонности и недочеты движения, связанные с его незрелостью, с ранней степенью его развития, приписывалась самим принципам и программе социал-демократии. Но под влиянием относительно быстрых успехов нашей партии, на почве массовой агитации и видимого умирания старых фракций, естественно было питать надежду на то, что с этими предубеждениями легко будет справиться—путем мирного положительного выяснения, с одной стороны, действительных задач соц.-демократического движения, как они логически обусловливаются его учениями и неоднократно были формулированы в изданиях, редактировавшихся группой «Осв. Тр.», а с другой — политического значения фактической агитации и пропаганды социал-демократов — несмотря на зародышевые формы той и другой. Вот подлинные слова Ленина, прямо указывающие цель, которую он поставил себе, принимаясь за свою брошюру.

«Именно в этой области», в области практических вопросов социал-демократизма, «господствует, кажется нам, больше всего недоразумений и взаимного непонимания, препятствующего полному сближению с социал-демократизмом тех революционеров, которые в теории отрешились вполне от народовольчества». «Поэтому нам кажется особенно своевременной попытка раз'яснить практические задачи социал-демократии и изложить те основания, по которым мы

---

решить, ни правильно поставить революционные задачи нашего времени.

До какой высокой степени простирается неспособность Рязанова покинуть точку зрения метафизика, рассуждающего по формуле: «да — да, нет — нет, что сверх того, то от лукавого», видно из следующего примера.

В рецензии, написанной мною на книгу анонимного автора «Россия накануне двадцатого столетия»[18] и напечатанной в «Заре», я характеризовал русских либералов известного разряда словами: «умные и образованные, честные и неподкупные». Эта характеристика кажется Рязанову чрезвычайно забавной. Он постоянно возвращается к ней и каждый раз, можно сказать, покатывается со смеху. Особенно комичным кажется ему то обстоятельство, что к либералам указанной категории я причислил и неизвестного автора рецензированной мною брошюры, очень отрицательно относящегося к Чернышевскому[19] и его единомышленникам. Рязанов твердо убежден, как видно, в том, что такое отношение к нашим великим просветителям возможно только со стороны глупых, необразованных, бесчестных и подкупленных людей. Такое убеждение свидетельствует об его большом уважении к людям, действительно заслуживающим большого уважения. Но оно же обнаруживает его поистине ребяческую наивность, его полную неспособность понять диалектику чувств и настроений, порождаемых общественной борьбой. Сам Чернышевский хорошо понимал эту диалектику, и потому он с большим сожалением посмотрел бы на своего ребячески-наивного защитника.

Наше отношение к либералам вообще очень не нравится Рязанову. Он видит в нем одно из самых ярких доказательств нашего оппортунизма. И он охотно выдвигает вперед это мнимое доказательство, зная, что эта сторона наших тактических взглядов до сих пор плохо понята той частью русских социал-демократов, которая еще не вполне разделалась с предрассудками «экономизма». Здесь, как и везде, Рязанов не раз'ясняет вопроса, а только запутывает его. Поэтому я считаю не безынтересным на нем остановиться.

Наше отношение к различным политическим партиям, существующим в современной России, может быть определено словами «Манифеста Коммунистической Партии», гласящего: «Коммунисты поддерживают повсюду всякое революционное движение против существующих общественных и политических отношений»*. При этом само собой понятно, что наше сочувствие каждому данному общественному движению тем сильнее,

* Подчеркнуто мною.

считаем ее программу наиболее рациональной из трех наличных программ, а возражения против нее основанными в значительной степени на недоразумении» *.

Таким образом сама задача, выдвигавшаяся перед автором обстоятельствами данного момента, требовала сосредоточения его внимания на выяснении принципиальных практических взглядов и программы социал-демократии, а никак не на характеристике фактического состояния нашего юного движения в этот момент. Вернее, в выяснении этих взглядов и этой программы и состояла его задача, фактическое же изображение выходило из рамок этой задачи. Но указание на отсталость русской социал-демократии сравнительно с ее историческими задачами — оказалось нужным через год после того, как брошюра была написана, когда внутри и на периферии нашей партии начал формироваться консервативный элемент, стремившийся на неопределенное время задержать ее на достигнутой ею ступени развития.

Такова историческая подкладка и действительный смысл брошюрки, с одной стороны, и вышеприведенных строк из моего предисловия — с другой. Посмотрите теперь, какой смысл они получили в переводе на язык г. Крупова, выступившего против нас на защиту попранной-де нами «исторической» правды.

«Итак,—восклицает он,—главная задача брошюрки— борьба против революционной интеллигенции». Как видите, обращение Ленина к противникам в интересах «полного сближения» с ними наш рыцарь правды подменил войной против революционной интеллигенции. Ну, а на войне, как известно, уже не до выяснения «недоразумений», тут уже все усилия направлены к тому, чтобы истребить, уничтожить врага. A la guerre comme à la guerre. На этом основание г. Крупов смело заявляет, что если автор «Задач» «утверждает от имени социал-демократии, что последняя смотрит так-то и делает то-то, а не должна, по его мнению, так поступать, то эти неверные и суб'ективные утверждения приходится об'яснить чрезмерным полемическим увлечением» (стр. 280, курсив мой). Однако он настолько великодушен, что готов, «пожалуй, согласиться с Аксельродом, который говорит в своем предисловии, что автор „помимо воли" отождествляет „то, что должно быть, с тем, что есть"». Другими словами: что автор не преднамеренно, не тенденциозно выдвинул на первый план принципиальные задачи «социал-демократизма», т.-е. всего нашего направления, а не куцые представления о них наших политических младенцев. Но — слаб наш правдолюбец против соблазна уличить своего противника в сознательном «извращении» фактов! Недаром же он действительную задачу брошюры подменил фиктивной, противоположной. И вот он на той же странице, которую я только что цитировал, спешит сделать более решительную вылазку: «Мы не последуем за Аксельродом еще дальше в область психологических экскурсий и не будем допытываться, вполне ли мимовольно автор неверно изображал действительность, или же сознательно (курс. мой), ad majorem gloriam русского социал-демократизма вносил суб'ективное освещение в факты. Дело минувшее и темное». Но, если по отношению к первому изданию могут быть еще некоторые сомнения, то о них и речи быть не может по отношению ко второму изданию. Между тем и другим лежит период «экономизма». Поэтому, «перепечатывая теперь без изменения», «старую брошюрку о „Задачах"», Загр. Лига Русской Рев. Соц.-Демократии поступает уже никак не «помимо», а вполне по своей воле и грешит сознательной неверностью фактам

* «Задачи», стр. 2. Под тремя программами автор подразумевает: народовольческую, народоправческую и социал-демократическую.

---

чем глубже и серьезнее его революционное значение. Но революционной в полном и самом глубоком значении этого слова является теперь только партия пролетариата, только социал-демократия. В сравнении с ней все остальные партии могут быть признаны революционными только отчасти, только в известных, иногда довольно узких пределах. Не умея стать на точку зрения пролетариата, революционеры других партий поневоле вносят в свою социально-политическую пропаганду и агитацию элемент узкости, ограниченности. Поскольку этот элемент приходит в противоречие с нашей пропагандой и агитацией, постольку он вносит путаницу в умы рабочих, постольку он является консервативным или даже реакционным, и постольку мы считаем себя обязанными бороться с ним, что называется, не на живот, а на смерть, не смущаясь упреками, сыплющимися на нас по этому поводу со стороны некоторых наивных читателей и слушателей. Этим об'ясняется наша, всем известная и столь многих возмущающая, «страсть к полемике». Но именно потому, что эта «страсть» обусловливается нашей крайней революционной точкой зрения и только ею, мы, не смущаясь никакими «догмами» и никакими «схемами», отдаем должное даже самым упорным и решительным нашим политическим противникам, если они, не пытаясь затемнять классовое самосознание рабочих, делают хоть сколько-нибудь решительные шаги в борьбе с ныне существующим порядком вещей. И потому мы кажемся «оппортунистами» некоторым не по разуму усердным защитником «ортодоксии». Таково наше общее отношение к другим партиям. А что касается в частности либералов, то мы, видя в них представителей буржуазии, относимся к ним совершенно так, как относились Маркс и Энгельс к германским либеральным буржуа конца сороковых годов прошлого века. «В Германии, — говорит «Коммунистический Манифест», — коммунистическая партия идет рядом с буржуазией, поскольку эта последняя является революционной в борьбе своей против абсолютной монархии, против средневековой поземельной собственности и мелкого мещанства... Но ни на минуту не перестает она вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата».

Рязанов сам хорошо понимает, что и в этом отношении мы верно следуем примеру Маркса и Энгельса, и потому он об'являет, что Маркс и Энгельс ошибочно поняли политическую роль, предстоявшую тогда немецкой буржуазии. Не

(курс. мой). «Воспроизведение брошюрки теперь является, так сказать, исторической фальсификацией»*. Таковы квинт-эссенция и окончательный вывод из тех лжетолкований, которым г. Крупов подверг брошюрку о «Задачах» и мое предисловие к ней. А дальше идут разные жалобы на «ортодоксальных» марксистов, на огорчения, обиды и несправедливости, вечно причиняемые ими своим буржуазно-революционным противникам.

Для того, чтобы окончательно доказать свой обвинительный тезис, нашему рыцарю исторической правды пришлось извратить слова и мысли тех, против которых он выступил в защиту этой правды. Мы уже видели, как он подменил действительную цель брошюры другою, противоположною, и как, на почве этой подтасовки, попытка Ленина «раз'яснить» нашим противникам д е й с т в и т е л ь н ы е задачи нашего движения превратились под пером г. Крупова в показывание нами нашего товара лицом, в «неверное» изображение действительности—во славу «русского социал-демократизма». Но для обоснования этого утверждения наш рыцарь, правда, старается уверить читателей—а быть-может и самого себя—в том, что в брошюре речь идет о «Задачах», впервые открытых и формулированных ее автором, что задачи эти «пять лет тому назад» являлись своего рода только-что открытой Америкой, что они, одним словом, были тогда совершенно чужды социал-демократии и составляли личное частное достояние Ленина. Г. Крупова злит и раздражает недоумение Ленина по поводу «крайне распространенного мнения, будто русская соц.-демократия отодвигает назад политические задачи», в то время как они давно и многократно «излагались уже в заграничных брошюрах и книгах группы „Освоб. Тр.“. Редактировавшийся этой группой популярный сборник («Работник» [20]) был предпринят по инициативе и издавался при нравственной и материальной поддержке активных элементов социал-демократии в самой России. А в этом сборнике с первой страницы до последней, на разные лады, по поводу различнейших вопросов и событий, систематически пропагандировались те именно задачи, изложению которых посвящена брошюра Ленина. Следовательно, по крайней мере, часть представителей нашего движения уже «пять лет тому назад» разделяла взгляды последнего на наши задачи. Наглядным показателем уровня политического развития наиболее передовых элементов русской соц.-демократии в начале 1898 г. является известный Манифест, принятый ею на своем первом с'езде. Нужно ли еще говорить о том, что Манифест этот стоит на той же почве, как и брошюра Ленина? А еще до с'езда, в декабре 1897 г. появился № 2 «Рабочей Газеты» [21], опять-таки выдвинувшей на первый план задачи, о которых трактует цитируемая г. Круповым брошюра. Газета эта поддерживалась всеми или по крайней мере большинством социал-демократических кружков и фактически являлась органом партии. Отчего же г. Крупов, защитник исторической правды, так тщательно обходит молчанием все эти факты? Да оттого, что они уничтожают центральный пункт, главный базис его филиппики (или пасквиля?)—обвинение Ленина в том, что, он-де свои частные измышления выдавал за коллективное достояние соц.-демократии. Не правда ли, Ленину следовало бы поступить наоборот? Излагаемые им взгляды интернациональной и русской соц.-демократий выдать за свое собственное открытие и скромно провозгласить себя соц.-демократическим Колумбом? Но ведь в этом случае вы бы, г. Крупов, лишились базиса для изобличения Лиги в «исторической фальсификации». Вам же хуже было бы. Приспособляя мои слова к своей обличительной цели, г. Крупов выбрасывает из них все, что является для него камнем преткновения

* См. «В. Р. Р.», стр. 281.

вдаваясь в рассмотрение этого исторического вопроса, я ограничусь тремя небольшими замечниями.

Во-первых, если наше отношение к либеральной буржуазии ошибочно, то выходит, что мы ошибаемся в довольно недурной компании, т. е. в м е с т е с а в т о р а м и «К о м м у н и с т и ч е с к о г о М а н и ф е с т а».

Во-вторых, весьма достойно замечания то обстоятельство, что для того, чтобы доказать наше о т к л о н е н и е от о р т о д о к с и и, Рязанову понадобилось о б в и н и т ь в о ш и б к е с а м и х Маркса и Энгельса.

В третьих, ошибка, которую навязывает нам наш критик, не имела бы никакого практического значения даже в том случае, если бы она существовала на самом деле. Ошибка эта заключается, по словам Рязанова, в том, что мы п р е у в е л и ч и в а е м прогрессивную роль нашей буржуазии. Положим, что мы действительно преувеличиваем ее. В чем же заключаются вредные практические последствия такого преувеличения? Перестаем ли мы, вследствие этого, развивать в умах рабочих сознание противоположности их интересов с интересами буржуазии? Стремимся ли мы хоть немного ослабить совершающуюся у нас борьбу классов? Кто знаком с нашими изданиями и кто не захочет принять греха на свою душу, тот скажет, что ничего подобного никогда не было и что мы всегда резко и решительно отстаиваем классовую точку зрения пролетариата. Н а ш и б у д т о б ы п р е у в е л и ч е н н ы е о ж и д а н и я о т б у р ж у а з и и н и н а в о л о с н е о т к л о н я ю т н а с о т т о й л и н и и, п о к о т о р о й м ы п о ш л и б ы, е с л и б ы т а к и х о ж и д а н и й с о в с е м н е б ы л о. А потому и упрекать нас за них значит плодить совершенно бесплодные пререкания по такому вопросу («ожидания»), при решении которого нет никакой возможности применить сколько-нибудь точный метод. Я знаю, что именно этими «ожиданиями» об'ясняется та наша будто бы ересь, что мы хотим, как выразился товарищ Ленин, итти в о в с е к л а с с ы о б щ е с т в а. Именно в этом желании и усмотрели некоторые наши критики измену пролетариату. Но здесь мы опять видим, что люди оперируют с л о в а м и, не уяснив себе обозначаемых ими п о н я т и й. Когда идеологи французской буржуазии XVIII столетия «шли» в аристократическую среду, вербуя там борцов за новый общественный порядок, изменяли ли они т о ч к е з р е н и я с в о е г о к л а с с а? Нет, тут никакой измены не было, а был совершенно правильный политический расчет (или, если хотите, инстинкт), приводивший к еще более прочному утверждению той же самой точки зрения. А будет ли изменой, если идеологи пролетариата пойдут в «высшие» классы с целью найти там средства и силы, способные служить интересам со-

на пути к этой цели. Он цитирует мое указание на то, что из характеристики (в брошюре) задач нашего движения выносится впечатление, как будто оно уже осуществляет их, но благоразумно ставит в цитате три точки на место слов, оттеняющих органическую, неразрывную связь этих задач с самой сущностью социал-демократизма. Я говорю там, что русская социал-демократия должна преследовать задачи и тактику, на которые указывает брошюра, «чтобы остаться верной духу своих учений», излагавшихся, как отмечает Ленин, «много раз» в нашей литературе. Но слова эти (подчеркнутые) назойливо напоминают г. Крупову, что брошюра излагает не личные взгляды автора, а общие воззрения социал-демократии, а потому — прочь их, как показание, подрывающее весь фундамент его обличительного произведения! Избавившись таким «об'ективным» путем от неприятного показания, он вдруг с наивностью ребенка задает такой вопрос: «Если этот последний (Аксельрод) признал, что задачи и тактика русской социал-демократии, как они изложены в брошюре, не соответствуют действительности, то спрашивается, о каких же „предрассудках и предубеждениях“ против социал-демократии говорит он тут же, на той же странице своего предисловия? Называть реальные обвинения русских соц.-дем. в узости, в отодвигании на задний план политич. задач, предрассудками, т. е. не признавать, что упреки, адресованные социал-демократии, имели основание, и в то же время внушать читателю, что они были беспочвенны („предрассудки“),—это такая странная логика, которой, пожалуй, никакой диалектикой не об'яснишь» (стр. 280).

О, святая простота! Вы не знаете, о каких «предрассудках и предубеждениях» я говорю? Вы только прикидываетесь, что не знаете. Я говорю о тех самых предрассудках и предубеждениях, которые плодила и распространяла ваша «народовольческая» и вообще демократическая пресса против учений наших западных учителей против «социал-демократизма» вообще и против программных и тактических воззрений, пропагандировавшихся в нашей литературе вплоть до того момента, когда редакция изданий заграничного «Союза русск. соц.-дем.» перешла из рук гр. «Освоб. Тр.» в руки других лиц, в частности. Я говорю о предубеждениях против самых принципов социал-демократии, которые сеяла ваша пресса, начиная с «Вестника Нар. Воли»[22], «Своб. России» и кончая статьей покойного Лаврова[23] в № 4 «Лет. Лист. Нар. Воли»[24]. И вы сами, в своей же статье, не стесняетесь повторять те же, говоря вашими словами, «реальные (?!) обвинения русских социал-демократов». Вот этим-то предрассудкам и предубеждениям и противопоставлены в брошюре действительные, а не фальсифицированные задачи нашего движения.

Целый ряд извращений и подтасовок понадобился г. Крупову для того, чтобы обосновать свой, в сущности нелепый, обвинительный тезис, гласящий, что, «перепечатывая теперь без изменений эту старую брошюрку», Лига «грешит сознательной неверностью фактам» и является виновницей «исторической фальсификации». Каким «фактам», «фальсификацией» чего? Ведь брошюра не содержит в себе очерка нашего движения, и автор не обещал дать в ней такой фактический очерк. Она излагает только принципиальные задачи движения во всем его целом. А задачи эти, по признанию самого г. Крупова, именно в последнее время вошли в общее сознание массы социал-демократов. Так в чем же, какие изменения по существу могли быть сделаны? Автор иллюстрирует свои мысли кое-где примерами из практики нашего движения в конце первой и начале второй половины 90-х годов. Практика эта, соответственно зародышевому состоянию партии, отличалась еще примитивными формами. Но, во первых, факты рабочего или социал-

---

циал-демократии? Кажется, что и тут никакой измены не будет; кажется, что и это «хождение» будет делом политического расчета. Стало быть, с принципиальной точки зрения тут и толковать не о чем. Остается вопрос практической возможности. Существуют ли в «высших» классах России такие средства и силы, которые могли бы сослужить хорошую службу нашему движению? Да, они пока еще существуют в очень значительном количестве, и было бы очень, очень жаль, если бы мы не сумели воспользоваться ими. Далее, существуют ли в нашей собственной среде такие лица и даже целые группы лиц, которые, не имея возможности действовать в среде пролетариата, могли бы однако завязать прочные и выгодные для нас связи в так называемом обществе? Такие лица несомненно существуют. Стало быть, и с этой стороны вопрос решается очень просто: «хождение» во все классы общества — в указанных пределах — и возможно и обязательно. И пусть не смущает нас при этом мысль об измене нашему принципу. Измена вызывается совсем другими причинами. Изменить пролетариату можно, ни на минуту не выходя из его среды. Для этого надо только утратить ясное представление о границе, отделяющей его интересы от интересов других классов. Но что касается этой утраты, то не пропаганда «Искры» и «Зари» может способствовать ей. Ведь мы прославились своей «страстью к полемике» именно потому, что всегда и везде, резко и беспощадно отстаивали классовую точку зрения пролетариата.

Читатель видит отсюда, как далеки «Искра» и «Заря» от намерения сдавать в архив «старую революционную программу русской социал-демократии». Если такая программа существовала, — и она действительно существовала, — то «Искра» и «Заря» явились ее лучшими и надежнейшими защитниками. Они безбоязненно отстаивали ее в то печальное время, когда против нее со всех сторон раздавались вопли настоящих оппортунистов и теперь, когда, — благодаря этим органам, — дело этих оппортунистов совершенно проиграно; теперь, когда, — опять-таки, благодаря им, «Заре» и «Искре», — в нашей социал-демократии окончательно восторжествовало революционное направление,—обвинять их в измене «ортодоксии» значит собственной рукой писать себе свидетельство об умственной бедности или же спекулировать на умственную бедность иных читателей по тем или другим чисто-личным соображениям.

На этот раз довольно.

*Г. Плеханов.*

---

демократического движения, несмотря на свою недостаточно яркую политическую окраску, все-таки представляли тогда единственные и, во всяком случае, наиболее яркие проявления накоплявшейся революционной энергии в стране. А во-вторых, и сам Ленин отмечает и подчеркивает зачаточный характер движения. «Русская социал-демократия», говорит он, еще выходит только из «зародышевого состояния»: «Она только начинает развивать свою практическую деятельность» (стр. 22). Между первым и вторым изданием брошюры лежит период так наз. «экономизма». Но этот факт отмечает сам Ленин в своем предисловии.

Но в том-то и дело, что защита «исторической» правды является для г. Крупова лишь маской или средством в борьбе с революционной социал-демократией. Попытка его изобличить Ленина и всю Лигу в «исторической фальсификации» есть не что иное, как особый «полемический» прием для отражения беспощадной атаки нашей прессы на буржуазно-демократические элементы и тенденции в русском революционном движении. На первой же странице своей статейки он спешит заявить, что брошюрка Ленина «написана с полемическими целями и идет навстречу тому полемическому настроению, которое обуяло в последнее время некоторую часть русских соц.-демократов». Он знает слабую струнку своих читателей — антипатию к «нетоварищеским приемам полемики „Искры“» — и спешит прежде всего коснуться этой больной струнки, чтобы сразу обеспечить себе восприимчивую психологическую почву в кругу читателей для «протеста» против «исторической фальсификации», на раскрытие которой он выступил. Кто знаком с брошюрой Ленина, знает, что в ней-то именно меньше всего полемики, а «резкого обличительного тона» в ней и тени нет. Но «полемические цели» являются необходимой предпосылкой, психологическим и логическим базисом для превращения брошюры в «историческую фальсификацию». Без этой предпосылки было бы нелепо и прямо невозможно положить в основу этого обвинения тот факт, что Лига переиздала теперь произведение, «пять лет тому назад» возвышавшееся над уровнем политического сознания большинства русских соц.-демокр. И вот наш рыцарь без страха и упрека, во имя «исторической» правды, на защиту которой он ополчился, об'являет брошюру, писанную в безусловно примирительном духе, с прямо выраженной целью расчистить путь к полному взаимному сближению наших противников в революционной интеллигенции с нами, эту именно брошюру он об'являет своего рода орудием, направленным против всей революционной интеллигенции вообще, пущенным в ход для смертельной, истребительной войны с нею. Да, г. Крупов своеобразно любит и защищает историческую правду.

Ради справедливости считаю нужным указать на одно смягчающее его вину обстоятельство. Если я некоторыми своими замечаниями ввел его в соблазн выступить в роли обличителя Лиги, то Ленин столь же ответственен за то, что он усмотрел в брошюре об'явление войны революционной интеллигенции. В своем действительно воинственном (нечего уж греха таить) предисловии Ленин замечает, что «русской социал-демократии придется еще посчитаться с направлениями», подобными народовольческому или народоправческому. Ну, не ясно ли как божий день, что задачей брошюры является «борьба против революц. интеллигенции»? Если принять во внимание, говорит г. Крупов, «что предисловие занимает всего пять с половиной страниц малого формата, то можно судить о том, как усиленно агитирует автор против врагов и какой он горячий вояка» (стр. 282). Если же он такой «вояка» и «усиленно агитирует против врагов», то само собой разумеется, что брошюра, написанная им «пять лет тому назад» и обращенная *к* революционной интеллигенции, идет теперь «навстречу полемическому настроению» и об'являет войну против революционной интеллигенции.

Мне пришла в голову очень заманчивая идея. «Манифест Коммунистической Партии» написан был Марксом и Энгельсом не только с явно «полемическими целями», но и с прямо выраженным намерением поднять пролетариат на беспощадную войну против всего буржуазного общества, включая и буржуазно-революционную интеллигенцию. Кроме того, в период его появления в свет взгляды Маркса и Энгельса были, действительно, только что открытой ими идейной Америкой и являлись их личным достоянием, доступным только очень немногим единицам даже в самом Союзе Коммунистов [25]. А между тем Маркс и Энгельс писали свое великое произведение от имени целой партии коммунистов. Т. е., говоря словами г. Крупова, они «неверно изображали действительность» во славу своей партии. Точно так же, — следуя своеобразной логике г. Крупова, — нужно признать, что, «перепечатывая» Манифест в позднейшие времена, когда идеи его уже не были «новыми и чуждыми социал-демократии» (т. е. Коммун. Партии), последняя грешила «сознательною неверностью фактам», «перепутывая старое с новым, лишая читателя перспективы».

Что скажете на это, г. Крупов? Не правда ли, ведь очень соблазнительная штука была бы поднять знамя протеста во имя исторической правды, против всей социал-демократии? Советую вам подумать над моей идеей: с «Манифестом Коммунистической Партии» в руках, уличить всемирную социал-демократию в «исторической фальсификации», а ее теоретических отцов — в том, что они вносили «суб'ективное освещение в факты» — «во славу своей партии» и на зло врагам, то бишь «революционной интеллигенции».

Партия пролетариата всюду развивалась путем самокритики. Русская социал-демократия не составляет в этом отношении исключения. И не «социалистам-революционерам», еще ни разу не проявившим хотя бы слабой попытки критически отнестись к прошлому и настоящему своей партии, умеющим только молиться «теням прошлого» и прикрывать ублюдочное существо своего направления ссылками на «славные традиции», не им упрекать нас в стремлении «представить прошлое в неверном освещении». Не к лицу им, слепым апологетам «прошлого», делать нам такие упреки. В их устах они звучат до крайности комично и — неискренно.

*[П. Аксельрод]*

## ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербург. 19 мая в Дворянском собрании был отпразднован столетний юбилей Лесного института. Вход был по билетам. Присутствовали почти все студенты-лесники, служащие и профессора Лесного института, масса лесных и иных генералов, депутации от высших учебных заведений России и т. п. Ермолов открыл собрание речью. Дойдя до места, где об'являлась величайшая милость, — Ника разрешил называть Лесной институт «императорским», — он провозгласил «ура». Очевидно, лавры, пожатые Куропаткиным в Медицинской академии, не давали спать Ермолову. Но в ответ раздались оглушительные свистки сознательной части студентов, покрывшие аплодисменты и восторги генералов и студентов-распорядителей. Масса молчала, подчиняясь постановлению сходки 17 мая, где было единогласно решено ничем не выражать своего отношения к подачке свыше. Потешно было видеть звездоносцев и лентоносцев, изо всех сил старавшихся, преодолевая растерянность, заглушить свистки. «Мерзавцы, негодяи, мы их почтили своим присутствием, а они вон что!», «ну, удружили!» — и тому подобные восклицания раздавались всюду. Дальше уже все было скомкано. Министр дрожащим голосом закончил речь. Один из профессоров скороговоркой перечислял перечень лиц и учреждений, приславших приветствия и телеграммы; когда очередь дошла до телеграммы Клейгельса, перепуганный директор, видя начинавшийся свист и хохот, дернул несообразительного профессора за рукав. Продефилировали депутации, и Ермолов закрыл собрание. Музыка, приготовленная для гимна, ушла ни с чем. Особенно огорченным оказался «честный маклер» движения 1899 года — Федор Платонович Никитин, директор лесного департамента: «Мы знали, что вам эта милость будет неприятна, поэтому постарались устранить гимн», заявил он в частной беседе. В заключение же были пропеты два куплета рабочей «Марсельезы», окончательно ошеломивших начальство.

---

Петербург, 21 мая. Вот прошли и юбилейные дни (16, 17 и 18 мая), которых многие почтенные буржуа ожидали с неподдельным страхом; прошли, конечно, по-казенному «благополучно», но по-казенному же сухо и глупо. На «торжества» пускали только «избранных» по билетам; думские юбиляры изрядно угощали себя и своих гостей на общественный счет, причем берлинский бургомистр, «прогрессист» и «свободомыслящий» Киршнер, трогательно чокался с всемирно-известным палачом Валем... На фабриках и заводах, не исключая и казенных, работали все эти дни, боясь выпустить рабочих на улицу, а по вечерам отвлекали их «патриотическими» гуляньями. На одном из таких гуляний, в Александровском парке, возле Народного дома, произошел любопытный инцидент. В толпе вдруг кто-то (по всей вероятности, жулик) крикнул, судя по газетам: «тигр убежал из зоологического сада!», а по рассказам некоторых очевидцев, что-то вроде «бунт!». Произошла паника. Толпа изломала железную решетку парка, несколько человек получили увечья. Но газеты умолчали о том, что немедленно прискакали казаки, которые оставались и после успокоения толпы, до конца гулянья, а также о том, что тотчас после этого происшествия какие-то ораторы, не стесняясь присутствием полицейских, говорили возбужденной толпе, что причиной паники был студент, бросивший в народ бомбу. Здесь держатся упорные слухи, что перед 16 мая ходил по рукам гектографированный листок с приглашением «бить жидов», но нам не удалось достать его.

Наш Комитет выпустил по поводу двухсотлетия Петербурга две прокламации: одну — к рабочим (распространено около восьми тысяч экз.) и другую — к обществу, распространенную среди общества и студенчества в числе 2.500 экз.

Юбилей Петербурга послужил и для полиции поводом предпринять новый набег. 14 мая произведено множество обысков и арестов, причем большинство среди бела дня и вечером; некоторых брали на улице. Во время этих арестов забрано немного литературы и около 1.500 листков Комитета «К обществу» (это были запасные, сверх распространенных двух с половиной тысяч).

---

С.-Петербург. В Доме предварительного заключения политические тщетно добивались ускорения дела. Все их настаивания на допросе о скорейшем следствии не приводили ни к чему; тогда они, сговорившись, 17 мая выбили у себя в камерах стекла (на мужском отделении). Явились надзиратели и по приказу товарища прокурора повели некоторых в карцер. Об этом узнали уголовные. В одной из общих камер они высадили дверь, устроили баррикады из коек, матрасов. Были вызваны войска. Надо сказать, что еще раньше, т. е. числа 13-го, было получено начальниками тюрем распоряжение Клейгельса о том, куда обращаться, если в тюрьмах произойдут какие-нибудь беспорядки в торжественные дни юбилея. К выборгским «Крестам» были приписаны казармы Московского полка, а Д. П. З. следовало обращаться в казармы Преображ. полка, где стоял какой-то армейский полк. Так и было сделано. Войска явились к Дому, но тем временем там был уже водворен порядок. Вслед за солдатами явился в предварилку великий князь Владимир Александрович на извозчике, явился после какого-то завтрака в полку (вероятно, по случаю 100-летия этого полка), весьма сильно угостившись, и заявил, что он никогда не одобрял вызова войска в таких случаях, что начальство само виновато, если арестанты бунтуют, и приказал солдатам удалиться. Войско ушло. Владимир отправился по тюрьме, приказал освободить арестованных из карцера и пришел на женское отделение, где пожимал руки заключенным политическим. Дальше он не путешествовал, так как его убрали. Позднее в тюрьму приезжали Плеве и Муравьев. Последний был весьма недоволен, что Владимир Александрович вмешался в распоряжения товарища прокурора и, как говорят, жаловался царю, который высказал порицание Владимиру. В предварилке была голодовка, которая кончилась удовлетворением главных требований, а именно: отменили карцер, обещано улучшение пищи, ускорено следствие.

27-го выпустили А. И. Паромову и П. Ф. Куделли. 15 мая арестованы рабочие Павлов и Выходцев, сидели 10 дней и выпущены; 18-го взят Козлов, после 7 дней выпущен. Шишлов сидит до сих пор.

Циркулирует слух об избиении надзирателями в предварилке уголовного, который по дороге в больницу умер.

---

Петербург. Недавно здесь была издана (на мимеографе) прокламация «Петербургского Комитета (?) Партии Социалистов-Революционеров» по поводу убийства Богдановича[26], где об'является, что убит он был двумя членами «Боевой Организации» за Златоустовскую бойню[27] и что подобная же участь ожидает всех преступников против народа.

К счастью, на этот раз лица, убившие Богдановича, благополучно скрылись; к счастью для них, конечно, но также и для нас, социал-демократов, так как мы можем теперь спокойно обсуждать это событие, не боясь грозных окриков: «как, опять над свежей могилой павших товарищей!» и т. п. всем надоевших ламентаций.

Итак, прежде всего любопытно, что этот полумифический Петербургский Комитет социалистов-революционеров вдруг оживился и заговорил, как только в воздухе запахло террором, хотя и очень далеко от Петербурга. Это еще раз подтверждает мысль, не раз высказываемую «Искрой»: соц.-рев. чувствуют почву под ногами только в атмосфере террористических актов, только эти акты вызывают и воскрешают их к жизни. Затем, указанная прокламация обещает ни больше, ни меньше, как перестрелять всех преступников против народа. Но если «Боевая Организация» будет это делать так часто, как до сих пор, т. е. по одному «преступнику» в год, да если еще из двух «преступников» одного будет «спасать случайность», то нам придется очень

долго ждать революции... Убийство Богдановича вызвало очень мало разговоров в обществе. Как видно, вкус к террору уже притупился.

---

Кронштадт. В Кронштадте предпасхальное и пасхальное время ознаменовалось двумя из ряда выходящими событиями: одним — на политической и другим — на праздничной подкладке. На вербной неделе в Кронштадт нагрянули жандармы во главе с прокурором, произвели обыск и почти во всех казармах военных матросов, нашли много литературы и взяли всего около 20 матросов и двух офицеров. Вот фамилии некоторых: Новиков, Заплаткин, Гриценко, Синильников. Все сначала были заключены в Кронштадтскую крепость в секретные номера, а теперь в С.-Петербурге, офицеры — в Петропавловскую крепость; ходят слухи, что кого-то из них уже повесили. Вызваны эти аресты были тем, что уже издавна матросы, отличаясь довольно высоким уровнем развития и страшной ненавистью к своему непосредственному начальству, всегда искали и имели связи с социал-демократами; приток литературы к ним никогда не прекращался. За последнее время С.-Петербургский Комитет, имея эти связи, доставил туда довольно много социал-демократической литературы. Кроме такого «преступного» чтения, у матросов не переставала существовать самобытная кружковая организация. Руководители выходили из среды самих матросов. Матросы рассказывают о каком-то взятом теперь морском офицере, отпустившем на все четыре стороны в Америке всю команду со своей миноноски и жившем в России под нелегальным видом. Но это только слух, хотя очень характерный. Другому событию правительство очень старается придать политическую окраску, хотя это не особенно легко. Дело разыгралось на почве постоянной вражды между матросами и армейцами. Начало было совершенно случайно: один матрос не отдал чести «кондуктору», тот хотел его забрать и отправить с обходом (обход составляется из армейцев), но за него вступились товарищи матросы; первым получил оплеуху старший обхода; это и открыло между ними целое сражение; очень сильно пострадал «кондуктор». На шум сбежалось много матросов (это было на второй день Пасхи) и армейцев; один армейский офицер, желая усмирить дерущихся, выхватил саблю и бросился в середину, но был сбит камнем в голову и сильно поколочен; его унесли на носилках. Была вызвана рота солдат и выстроена в боевой порядок, но на первое предостережение несколько сот матросов с камнями и криком «ура» кинулись на нее и не дали произвести залпа. Прибыли еще войска, приехало какое-то высшее начальство. Было приказано опять стрелять, но залп не испугал матросов: когда они увидали, что в передних рядах упало несколько человек, они опять с тем же криком бросились на солдат, почти у целой роты были отняты ружья и началась драка прикладами и штыками. Интереснее всего, что сами призванные для усмирения войска перестали слушаться команды. Это все ясно показывает, что не особенно велико обаяние слов: «смирно» да «равняйсь». Появление командира (?) было встречено не особенно деликатными словечками и градом камней. Были слышны возгласы негодования: «Довольно ты нас замучил, мучитель!», «ты и так уже заморил команду». Действительно, для иллюстрации режима привожу одно только наказание: один матрос за то, что забыл на судне в определенный час потушить свою свечку, было отдан под суд и приговорен к шести месяцам тюрьмы. Видя, что ни солдаты ни матросы не слушаются команды, начальство решило пустить в ход холодную воду, но и тут толку не вышло: избили только пожарных да изрезали рукава. Приближалось время поверки, и свалка мало-по-малу стала стихать. Возбуждение продолжалось всю неделю. Было много еще стычек. Теперь придумали такую меру: по четным числам выпускают армейцев, а матросов держат взаперти в казармах, а по нечетным — наоборот. В результате матросы и до сих пор не отдают чести армейским офицерам и обратно. Убитых 6 чел., раненых: тяжело — два армейских офицера, 12 солдат и восемь матросов.

---

Варшава. (Поправка). В № 39 «Искры» помещено описание майской демонстрации в Варшаве, как видно не со слов очевидцев и лиц, принимавших непосредственное участие в организации демонстраций. Демонстрация в Уяздовских аллеях была устроена П. П. С. По словам очевидцев, число демонстрантов здесь было незначительное. Развернули красное знамя, которым вскоре овладела полиция. Демонстрация на Маршалковской была устроена совместно Бундом и П. С.-Д. Этими же организациями были разбросаны по городу приглашения на польском и еврейском языках к участию в демонстрации. Число приглашений на польском было свыше 6.000. «Пролетариат» в своем воззвании приглашал рабочих к празднованию 1 мая совместно с Бундом и П. С.-Д. Демонстрация на Маршалковской была очень удачна. Два знамени (одно Бунда, другое П. С.-Д.) долго развевались над головами демонстрантов. Знаменосцы не попали в руки полиции. И в других частях города демонстрировали рабочие Бунда и П. С.-Д., благодаря чему действия полиции были парализованы, а демонстрация приняла большие размеры.

---

Из Белостока сообщают: 1 мая были здесь и в окрестностях разбросаны прокламации Ц. К. С.-Д. П. и Л. На многих фабриках не работали. Демонстрации решено было не устраивать.

---

Курск. В конце апреля закрыта «Курская Газета». Арестован редактор Богомазов, сотрудник Блюм. Арестован интеллигент, которого разыскивал департамент полиции и который приехал с юга на жительство в Курск. В разное время и по разным делам арестованы: учитель школы, землемер-ученик, два иконописца, крестьянин и солдат. Землемер и учитель освобождены, остальные сидят.

---

Витебск. Под впечатлением кишиневских событий местная интеллигентная молодежь, посещающая единственную здешнюю читальню Червинской, пред'явила последней требование прекратить выписку «Света»[28], «Нового Времени» и других реакционно-антисемитских газет. В виду отказа г. Червинской исполнить это требование, читальня подвергнута бойкоту.

---

Смоленск, 5 мая. Все это время Смоленск был на военном положении: день и ночь ходили и ездили патрули и, чуть что, забирали и отводили в участок. Обыватель находился в смятении, так как полиция распространяла слухи, что первого мая город подожгут «жиды» с двух концов. Теперь все начинает успокаиваться. Арестованных 26 апреля, за исключением пятерых, уже выпустили, часть выслали на родину. У интеллигентов обысков не было. Только четырех выдворили из Смоленска. 12 мая у возвращенного из Сибири московского студента В. Савкова был произведен в квартире, в саду и на дворе очень тщательный обыск. На дворе в сарае перебрали все дрова и перетрясли сено, но там ничего не нашли. В квартире же найдено три листка: отрывки прокламаций и выписки из «Искры». Кроме того, взяты «Дурные пастыри» Мирбо[29], несколько незначительных писем и книжка сберегательной кассы на сумму 393 р. с отцовскими деньгами. Через два часа его уже препроводили в одиночное заключение местной тюрьмы. Через неделю ему уже сделали допрос и выпустили под «особый надзор» за неимением достаточно основательных улик.

---

Муром, Владим. губ. Если бы вы знали, какое провинциальное болото представляет наш город! При самом в'езде в город, в улицы, заросшие бурьяном, непривычный человек вывихивал челюсти от зевоты и умирал от смертельной скуки, которая лилась из-под всех муромских подворотен,—изо всех окон. Муромских мещан вы сразу узнавали по их деревянным тупым физиономиям, по их мешкообразным фигурам, от которых пахло калачами, постным маслом, лошадьми и св. мощами. И вот в прошлом году в этом болоте проявилась крамола. Одна из бойких волн, бушевавших где-то там в «центрах», добежала до

погруженного в сон, мрак и грязь славного города Мурома, с шумом разбилась в нем и взбаламутила всю зеленую болотину — и кончились прекрасные дни Аранжуэца. Бедные муромские жандармы! В один базарный день по всем муромским заборам и облупившимся домам были расклеены прокламации от... «Киевского Комитета»(!). Крестьяне, съехавшиеся на базар, и обыватели с большим любопытством читали эти неведомые раньше бумажки. Муромские церберы не имели никакого понятия о прокламациях, они вряд ли могли бы их отличить от тех афиш, которые расклеивают изредка появляющиеся в Муроме для увеселения купцов и мещан — разные самородные «престидижитаторы» и «глотатели раскаленных щипцов». Прокламации провисели на заборах целый день и были прочитаны всеми желающими. Только вечером выспавшийся после сытного обеда жандармский полковник, прогуливавшийся по благоустроенным проспектам города Мурома, усмотрел к своему ужасу на обывательских заборах крамолу и моментально приказал соскрести позорные пятна с незапятнанных до тех пор заборов. Но крамола уже зарождалась. Скоро с муромским жандармом стряслась другая беда. Так как его, как и всех его сослуживцев, начальство периодически знакомило с новинками нелегальной литературы, то у него составилась немалая библиотека оной. От скуки и безделья он давал под секретом почитывать особенно пикантные вещицы своим добрым знакомым, которые тайком читали их, предварительно тщательно занавешивая окна (от кого!). Такой противоправительственной пропагандой вредных идей муромский жандармский полковник Зворыкин занимался несколько лет. Но, как известно, в результате всякой подпольной деятельности неизбежно следует «провал». Как ни твердо, казалось, было поставлено дело распространения нелегальной литературы, а и оно «провалилось» стараниями муромского врача Доброхотова. Последний как-то раз в клубе разругался из-за карт с Зворыкиным и в пылу ссоры погрозился донести на него, и на следующий день действительно написал донос в департамент полиции. Немедленно приехала комиссия. Картина получилась трагикомическая: доброхотным жандармом оказался врач Доброхотов, а государственным преступником — жандармский полковник Зворыкин. Жандарм полетел с своего места, а на его место назначили... не докт. Доброхотова (это было бы вполне естественно), а нового полковника, который стал искать крамолу. После его визита к гражданам Мурома (не по делу службы, а так, в гости) последние тщательно осматривают передние и те комнаты, где он сидел, так как ходят упорные слухи, что он занимается тайным подкидыванием прокламаций с целью создать крамолу, так как в Муроме ее, действительно, мало. Неспокойно стали теперь жить муромские мещане и купцы. Последние два-три года и в промышленном отношении Муром стал оживляться — построена большая льнопрядильня, открылось несколько механических и др. заводиков. Савва Морозов хочет строить большую ткацкую и красильню... В гнилое муромское болото вливается свежая проточная вода... А какая была невероятная глушь!

---

Крым. Ялта. Господа Романовы в лице Александра Михайловича заняты не только приобретением в частную собственность больших участков земли за бесценок у гаспринских татар, но и незаконными захватами городской земли вдоль главной улицы города (Набережной), правда, уже не в частную собственность, а в собственность портового правления, нужную ему для устройства в нашем городе каботажной пристани. Городское самоуправление у нас не особенно, казалось бы, благоговеет перед знатными представителями портового правления — оно затеяло процесс. Суд решил дело в пользу города. Вот тут-то в лице двух гласных и вылило наше управление свои верноподданнические чувства. Эти гг. гласные доказывали городу необходимость уступить в ведение портового правления городскую землю, мотивируя это тем, что неудобно отказывать «такому уважаемому и почтенному лицу», как Александр Михайлович. Не убедили эти речи, как видно, одного только гласного—писателя С. Я. Елпатьевского [30], который заявил, что гласные обязаны соблюдать интересы города, а не уступать вору, хотя и почтенному. Как и следовало ожидать, местный исправник в сообществе с жандармским ротмистром послал донос министру внутренних дел. Елпатьевского таскали на допросы. Чем кончится эта история — пока неизвестно.

---

Ростов н/Д. Предварительное следствие по делу о демонстрации 2 марта [31] закончено. Судебный следователь заявил, что дело будет слушаться вне очереди особой выездной сессией Харьковской судебной палаты. Обвиняемых всех 9 чел.; обвинение пред'явлено по 264 ст. Улож. о наказ. Помимо этого, к тем же лицам пред'явлено обвинение по 318 и 252 ст. Улож. о наказ. Так что, если кто-либо будет оправдан в судебном заседании, то, по заявлению судебного следователя, будет по всей вероятности арестован в порядке административном. Вновь подтверждается жалкая комедия «с гласностью» при закрытых дверях. Передают, что Ростовская, а также Новочеркасская тюрьма переполнены. Приходится садить по нескольку человек в общие камеры. В одиночках в Новочеркасской тюрьме сидят: Столкарц, Собина, Подлетов, Ляхов, Чернышев, Васильев, Борохов, Браиловский, Ботвинников и Давыдов. В общей — девять человек и две политические женщины. Столкарц и Борохов обвиняются по делу 2 марта. Ляхов, Браиловский, Подлетов и Ботвинников по 2 ч. 252 ст., Швейцер по 252, Васильев по 252 и 318, Чернышев по 318. Настроение у всех хорошее. Революционные песни не смолкают. Ведется успешно борьба с тюремным начальством. Под угрозой начатой голодовки тюремное начальство и прокурор уступили и большинство выставленных требований удовлетворено. В Ростовской тюрьме сейчас содержатся 20 чел.

---

Баку. События, следовавшие за 2 марта, показали, как велико было значение мартовской демонстрации для местного движения. Ряды борющегося пролетариата заметно погустели, увеличились денежные средства Комитета, организационная работа пошла более усиленным темпом. Вместе с тем настроение рабочих поднялось настолько, что возникли крупные стачки даже среди малосознательных рабочих: так, перед Пасхой забастовали кондуктора и кучера на конках, требуя сокращения рабочего дня, который до сих пор продолжался у них около 19 часов; требования забастовавших были удовлетворены, вследствие чего рабочие распределились на две смены, по 9 час. каждая. Далее вспыхнула стачка на крупной табачной фабрике Мирзабек'янца (800 чел.); рабочие стояли так дружно, что через два дня требования их были удовлетворены.

18 апреля наборщики всех местных газет отказались от работы, так что на следующий день не вышло ни одной газеты, и идея майского праздника пропагандировалась, таким образом, в широкой публике. Такое настроение дало возможность Комитету сорганизовать новую демонстрацию 27 апреля. Для подготовки к этой демонстрации было устроено Комитетом несколько массовых собраний от 100 до 700 человек, а также выпущены листки. За некоторое время перед демонстрацией вышел печатный листок, по 1.500 экз., на русском и армянском языках, разбирающий правительственный манифест от 26 февраля. Далее было выпущено в количестве 400 экз. на русском языке печатное воззвание к солдатам и казакам, где им раз'ясняется смысл политических демонстраций и рабочего движения вообще. На Пасхе был выпущен гектографированный листок на русском языке к безработным по поводу их безуспешного ходатайства перед губернатором о приискании работы. Перед демонстрацией были распространены: предварительная прокламация Организационного Комитета, печатная, на русском (2.900 экз.), армянском (2.100 экз.) и грузинском (1.000 экз.) языках, прокламация Кавказского Соц.-Дем. Рабочего Союза, также на трех языках, по 2.100 экз. и, наконец, за день до демонстрации на русском и армянском языках призыв на предстоящую демонстрацию со стороны Комитета; кроме того, в первый раз было выпущено сто штук гектографированных листков на татарском языке, в которых татары также приглашались на демонстрацию. Для разброски на демонстрации Кавказским Союзом были присланы рисунки с соответствующими надписями.

Демонстрация в организационном отношении была выполнена по заранее выработанному плану, по размерам же

превзошла все ожидания (описание демонстрации 27 апреля см. в №№ 40 и 41 «Искры»).

Демонстрацию можно считать вполне удавшейся. Организация нисколько не пострадала; хотя и было много арестованных, но все больше из зрителей, ядро же демонстрантов осталось нетронутым. Арестованные, в числе 47 чел., по постановлению губернатора приговорены к отсидке от трех недель до трех месяцев; между арестованными есть один дворник. 1 мая было отпраздновано всеобщей забастовкой; в этот день были закрыты не только все городские заводы и мастерские, но даже в Балаханах на промыслах никаких работ не производилось. Хозяева настолько были терроризованы недавней демонстрацией, что не оказывали никакого сопротивления. Учащиеся средних школ ознаменовали этот день тем, что не явились на занятия. Весь город находится в сильном возбуждении. Идея социализма приобретает все больше и больше сторонников.

Тюрьма переполнена. Сидят 95 человек.

Бакинский Ком. Кавказск. Соц.-Дем. Раб. Союза Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии.

---

Олекминск, 15 апр. 1903 г. Поручик Рейхардт, сопровождавший партию политических ссыльных, главным образом московских студентов, весною 1902 г. от Александровской тюрьмы до Якутска, предан Иркутскому военно-окружному суду за допущенные им нарушения правил конвоирования арестантов. На-днях допрашивались по этому поводу олекминские ссыльные, бывшие в партии, и местная администрация, последняя — по поводу демонстрации, устроенной в Олекминске при отплытии паузков из Олекминска в Якутск.

## ИЗ ДЕРЕВНИ.

Из Саратовской губ. До самого последнего времени здесь жили, ничего не слыша, ни о чем усиленно не думая. Здешний мужик, если и ворчал о неправде и издавал какие-либо звуки протеста, то это было ворчание в полусне, в забытьи и вращалось вокруг излюбленной идеи, что вот-де помещики и чиновники скрывают от царя правду и не дают ему, батюшке, осчастливить народ свой. Все надежды на лучшее будущее отливались в форму томления по царском манифесте о «прирезке» или переделе, или просто приурочивались к таким событиям, как рождение наследника. За какие-либо два-три последних года картина начинает меняться, повидимому, очень резко. Раскаты революционного движения фабрично-заводских рабочих, полтавские события, саратовская демонстрация (один из мужиков этого села сам видел ее), рассказы и письма односельчан-рабочих в Баку и Саратове, случайно привозимые ими с собой на родину книжки нарушают сон деревни; мужик утрачивает свою политическую невинность, он уже с открытыми глазами может внимательно всматриваться в события политической жизни городов и чутко прислушивается к непонятным кличам и лозунгам, к новым речам. Идея царя-батюшки, отечески пекущегося о благе народа своего, — идея, которою жили здешние крестьяне спокон веков, меркнет и, повидимому, готова погаснуть в уме мужика навсегда. Так об'ясняют свое пробуждение сами крестьяне. Я был здесь всего один день и видел человек десять крестьян. Одного из них все это так сильно поразило, что он и сам не рад. «Раньше, — жалуется он мне, — жилось как-то спокойнее, ничего не знал и ни о чем не думал, а теперь как-то неспокойно на душе, тяжело на сердце стало: все думаешь, мысли разные высокие в голову лезут, а понять хорошенько сам не можешь, а об'яснить здесь некому и книжек таких интересных мало...» Интерес к событиям и вопросам «политики» настолько возрос, что здесь даже старики хотят учиться грамоте, чтобы самим читать нелегальные книжки. По словам тех, с которыми приходилось говорить, из 800 душ этого села наберется разве только 30 — 40 безучастных, остальные же — кто более, кто менее сознательно — все с жадностью слушают и читают о том, как социалисты и городские рабочие добиваются «своих прав и лучшей жизни». Из писем рабочих односельцев здесь хорошо осведомлены о ростовской стачке и даже о майской демонстрации 1903 г. в Баку. Достойно внимания то, что такой интерес не ограничивается одним любопытством; наоборот, здешний мужик хочет активно приобщиться к политическому движению. Я побывал здесь не по собственной инициативе, а по желанию самих же крестьян; через одного своего рабочего в Саратове они из'являли желание повидать кого-либо из социалистов из Саратова, они предлагали даже побыть у них месяца два, на время полевых работ (в это время крестьяне все живут в поле). Среди наиболее сознательных (человек 10 — 15) здесь, без всякой указки со стороны, образовался даже род организации с целью приобщать деревню к городам, добывать книжки и заводить связи с окрестными селами. По словам участников этой группы, им уже удалось сноситься со всеми селами верст на 50 в окрестности. Случайно попадавшая к ним литература обходила каждый двор по порядку, а когда прочитывалась всеми, то передавалась в следующие соседние селения. Часто чтение нелегальных книжек происходит прямо на улице, при большом стечении народа. Насколько здесь, в общем, крестьянская масса относится ко всему этому сознательно, говорит следующий любопытный факт: в одной, смежной с этим селом деревне крестьяне нарочно выбрали себе в старосты такого человека, который читает запрещенные книжки. Выбор был вполне сознательный, и не только крестьяне однообщественники, но и соседи не нарадуются на своего нового старосту. «Вот человек, — говорили мне, — за „это дело“ пойдет куда угодно, хоть на виселицу».

Прошлою осенью многие отцы брали с сыновей, отправляющихся в солдаты, торжественные клятвы отнюдь не стрелять в рабочих и крестьян, если будет приказ начальства: «тогда лучше и глаз ко мне не показывай», — напутствовали крестьяне своих детей при отправке в набор. Интересно отношение к манифесту об отмене круговой поруки. Раньше он вызвал бы целый ряд фантазий, теперь отношение к нему самое трезвое: «Ха, ха, ха, — смеются крестьяне, — чего, чего он (т. е. царь) не выдумает, чтобы провести нашего брата; написано, написано так, что сразу, пожалуй, и не поймешь, ха, ха, ха. Теперь каждый будет платить за себя! Да разве раньше у нас кто платил за других?». Знают о существовании партий социалистов-революционеров и социал-демократов и очень интересуются разницей между ними. Представление о ходе борьбы у них, в общем, такое: необходимо восстание, совместно с рабочими, а до тех пор больше пускать в оборот книжек да заводить знакомства с другими местами и выжигать помещиков. За последнее средство (поджоги) стоят очень упорно и справляются о более удобных средствах для этого.

---

Крестьянское движение на Кавказе. (Из письма рабочего). В селе Анджало, в Сириачкони и во всех местах на берегу Риона почти все земли принадлежат помещикам-дворянам. У них арендуют землю большей частью мингрельцы (аренда уплачивается частью собранных с земли продуктов). Когда три крестьянина мингрельца начали пахать, то к ним подошли четверо гурийцев и говорят: «Бросьте сейчас же работу и передайте всем вашим соседям, чтобы с сегодняшнего дня никто не смел работать у помещиков». Когда те начали сопротивляться, то гурийцы схватили кинжалы и отрезали двоим уши, а одному нос и таким образом заставили их бросить работу. Узнав это, все соседи бросили работать. Когда уездный начальник по просьбе помещиков собрал крестьян и спросил их, почему они бросили обработку полей, то они ответили: «Мы больше не хотим работать на господской земле, мы хотим то же, что и гурийцы». До сих пор еще все поля по берегу Риона остаются необработанными.

## СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Обер-палач Финляндии Бобриков [32] «широко» пользуется данными ему царем, или вернее г. Плеве, новыми полномочиями. Со времени нашей последней статьи приказание покинуть Финляндию получил бывший сенатор

Л. Грипенберг, вышедший в отставку вместе со всеми лучшими членами финляндского Сената в 1900 г. при обнародовании трех беззаконных «законов» Николая II. Сенатор Грип. — автор нескольких талантливо написанных политических брошюр (легальных); в прошлом году он опубликовал за своей полной подписью в «нелегальной» финляндской газете «Fria Ord» статью, в которой он подверг резкой критике раболепство нынешнего финляндского Сената. Вот, вероятно, главная причина его ссылки. Маститый финляндский законовед, бывш. сенатор Л. Мехелин, недавно лишен назначенной ему Александром III пожизненной пенсии. Об его изгнании я писал в прошлый раз. Эта участь, повидимому, предстоит всем неприятным Бобрикову и К⁰ лицам, имеющим пенсию. Появление жандармов для производства обыска и вручения приказания выехать из Финляндии директору банка в Ловизе Фабрициусу послужили причиной моментальной смерти от разрыва сердца 90-летней почтенной г-жи Маяндер, близкой знакомой г. Ф. Эта старушка как раз в то время сидела у себя под окном и, увидев царских опричников, — она жила в одном доме с г. Ф., — упала мертвой на пол. «Финл. Газ.» ограничилась до сих пор сообщением лишь о первых, благоразумно умалчивая о дальнейших высылках, общее число коих достигает уже 15-16. В мае в разных местах Финляндии был произведен целый ряд обысков, причем в Гельсингфорсе у одного литератора цензором-доцентом Вайнио конфискован огромный склад «нелегальной» шведской литературы (в числе прочих изданий здесь найдено много экземпляров шведского перевода превосходных мемуаров кн. Кропоткина [33]). Удача агентов Бобрикова в последнем случае об'ясняется доносом. За последнее время в Финляндии появилось немало доносчиков. Главари старо-фенноманской партии [34] не постыдились открыто возвести донос, при некоторых обстоятельствах, в гражданский подвиг! Невольно мы вспоминаем теперь сказанные года три тому назад одной интеллигентной финляндкой наивные слова: «Все финляндцы одинаковые патриоты. На всех финляндцев смело можно положиться». Я скептически покачал тогда головой, но все же я тогда еще не мог себе представить, что вскоре целая партия окажется ненадежной и превратится в правительственную партию. Преступной агитацией старо-фенноманов и всевозможными коварными и жестокими мероприятиями агентов самодержавия в Финляндии об'ясняется довольно неудачный для оппозиции исход нынешнего призыва, точный отчет о котором мы дадим по окончании деятельности «призывных присутствий». Недальновидные «политики» и «дипломаты» старо-фенноманской партии добиваются во что бы то ни стало от финского народа добровольного отказа от самого могучего средства борьбы с российским самодержавием за политическую свободу — от средства, которого страшно боялись азиатские палачи. Высланные из Финляндии лица принадлежат к двум партиям: либеральной шведской [35] и демократической младо-фенноманской [36]; все они — по своему происхождению — представители высших, зажиточных классов, т. е. они — «господа», «бары». Но мы очень ошиблись бы, если бы мы подумали, что Бобриков и прочая братия церемонятся с представителями рабочего класса и крестьянства, с которыми они, бесспорно, все время заигрывают. Эту весну в разных местностях Финляндии было арестовано немало мнимых «агитаторов» по вопросу о воинской повинности, среди которых были, главным образом, рабочие и интеллигентные крестьяне. Обращение с подобными «политическими арестантами» поражает своей жестокостью даже и нас, русских борцов, неизбалованных делекатным обхождением наших держиморд. Так напр., у одного зажиточного крестьянина недалеко от г. Котки в мае был произведен самый основательный, но не давший никаких результатов, обыск, после которого хозяину заковали руки в оковы и отвезли сначала в Котку, где городовые вели его по городу, точно разбойника, в оковах, а затем в г. Выборг. К двум арестованным рабочим в Гельсингфорсе на допросах в полиции применялись чисто русские коварные приемы, чтобы их заставить выдать сообщников. Но оба эти рабочие оказались стойкими борцами за свободу, и через неделю они были освобождены. Подобные случаи ясно показывают всему фабричному и крестьянскому пролетариату, насколько он может полагаться на своих благодетелей — Бобрикова, Дейтриха, [37] Кайгородова [38] и пр., являющихся и «кормильцами» и «освободителями» его «от гнета» эксплоататоров-помещиков. Русским властям кажется недостаточным изгнание финляндских благородных граждан из отечества, они стараются всячески мстить им и после их от'езда. Мы сообщали в последней статье об аукционе в имении барона Борна, от которого они не могли иначе добиться незаконного штрафа за отказ в подчинении «закону» Куропаткина о воинской повинности. На следующий день — 13 мая (н. ст.) — в его имении был произведен второй обыск, во время которого «блюстители порядка» ломали замки и пр.; они в трех больших ящиках увезли частную переписку барона с его женой и т. п. По прикизанию так наз. губернатора Кайгородова была закрыта в Гельсингфорсе издательская фирма, носившая имя высланного бывшего книгопродавца Хагельстама, но фактически принадлежавшая давно акционерному обществу. Вот несколько примеров грабежа и разбоев русских опричников в Финляндии, конституции которой, гарантирующей личную неприкосновенность всем гражданам, так недавно еще присягал наш «благополучно царствующий Ника-Милуша. Таково «царское» слово! Отставки попрежнему сыпятся, словно из рога изобилия, на всех порядочных финляндских чиновников; теплые местечки уготовляются русским ташкентцам. В нынешнем письме мы в нескольких словах расскажем о весенних рабочих демонстрациях, состоявшихся 1 июня (нов. ст.) в некоторых финляндских городах. Особенно грандиозным рабочий праздник был в Гельсингфорсе. Финляндская рабочая партия избрала по разным соображениям (климат и др.) начало июня для рабочих демонстраций, тогда как интернациональный рабочий праздник 1 мая финляндские рабочие празднуют торжественными заседаниями своих союзов. В этом году 1 мая рабочие, по крайней мере в Гельсингфорсе, во всех промышленных предприятиях были освобождены от работы. Демонстрация 1 июня (второй день Троицы) в общем ничем не отличалась от прошлогодней. Обрусители Финляндии, разыгрывая роль друзей народа и не желая слишком озлобить против себя организованных рабочих, с разными ограничениями допускают в Финляндии рабочие демонстрации, отличающиеся, разумеется, мирным характером. Впрочем, в этом году были отменены демонстра-

ции в Бьернеборге и Котке «против желания рабочих», как осторожно выражаются подцензурные финляндские газеты, В Выборге на демонстрации не произносилось речей, а читались отрывки из «Эрфуртской программы» (допущенной цензурой в Финляндии), декламировались стихотворения и т. п. В одном лишь Таммерфорсе полиция разрешила рабочим оркестрам играть в самом городе, тогда как в Гельсингфорсе, Або и др. такая роскошь допускалась за городом. Но возвратимся к гельсингфорсской демонстрации. В девятом часу на огромной Железнодорожной площади собрались со своими роскошными красными знаменами до 56 различных союзов и обществ — всевозможных общих и профессиональных, мужских и женских союзов рабочих и несколько обществ трезвости. Построившись по четыре человека в ряд, в том порядке, который определили по жребию главные распорядители демонстрации за несколько дней и опубликовали заблаговременно в рабочих газетах, члены союзов с особыми демонстрационными значками со своими руководителями, повсюду заметными, благодаря своим широким красным лентам, с двумя оркестрами, хорами и 17 знаменами во главе, в $9^1/_2$ час. торжественно двинулись по главным улицам финляндской столицы в соседний лес. Масса публики повсюду с любопытством глядела на грандиозное зрелище. Картина на самом деле была величественной. Полиция сопровождала демонстрантов якобы для поддержания порядка, но рабочие сами соблюдали образцовый порядок. В процессии участвовало до 6.000 человек, а на месте праздника собралось до 15.000 чел. Здесь были устроены особые эстрады для ораторов, дешевые буфеты и пр. Финские и шведские рабочие поместились в разных местах на живописной горе, покрытой сосновым лесом. Участие многих представителей финляндской интеллигенции в процессии (напр. до 20 студентов) и в рабочем празднике свидетельствует о возникновении за последнее время живого интереса в интеллигентном финляндском обществе к рабочему движению и социализму вообще. На празднике было произнесено несколько превосходных речей об общем избирательном праве (в Финляндии, благодаря старинной сословной организации народного представительства, высокому имущественному цензу и т. п. «лестнице голосов», рабочие не имели на сеймах своих представителей), о 8-часовом рабочем дне, о борьбе с пьянством и пр., декламировались и пелись социалистические стихотворения и песни и т. п. Но ораторы не смели в своих речах освещать нынешнего печального состояния родины, — на это, конечно, не последовало полицейского разрешения. В общем демонстрация имела большое просветительное значение: огромные массы просвещались учением социализма и проникались чувством солидарности интересов интернационального пролетариата. Подобные демонстрации, но в меньших размерах, состоялись в Таммерфорсе, Або, Выборге и Ганге. *[В. М. Смирнов]*

## ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Петербург. 10 мая на бумагопрядильной фабрике Воронина, что на Выборгской стороне, началась стачка. Там работает около 800 чел., из которых мужчины составляют лишь незначительное меньшинство. Множество злоупотреблений давно переполнило чашу терпения рабочих, но в данном случае поводом к забастовке было выставленное ими требование о прекращении работ по субботам в два часа вместо шести (это уже введено на Невской ниточной мануфактуре). В субботу, 10 мая, рабочие не пошли на обед, а оставались на фабрике до 2 часов, после чего разошлись. На фабричном дворе собралась толпа, приехал фабричный инспектор, но переговоры не привели ни к чему, так как хозяин не хотел уступить. В понедельник было у рабочих небольшое собрание (человек 20 — 30), на которое наш Комитет послал двух ораторов. Они обсуждали с рабочими способ ведения стачки, а затем говорили речи на общие политические и социальные темы, говорили о необходимости организации, советовали читать нелегальную литературу и т. д. Речи были встречены очень сочувственно. После того было еще 2-3 таких же собрания, и на них приступлено к организации фабричного комитета. В пятницу Комитет распространил там изданный по поводу стачки листок, в 300 экз. Между тем, волнение передалось соседней фабрике Лебедева, где рабочие выставили аналогичное требование (когда к Лебедеву приехал фабричный инспектор и начал убеждать рабочих, из толпы ему крикнули: «рассказывай сказки у Воронина!»). Полиция произвела несколько арестов среди рабочих. Комитет поддерживал рабочих во время стачки деньгами. У Лебедева рабочие добились исполнения своего требования. У Воронина же после того, как часть рабочих получила расчет, остальные принялись за работу на прежних условиях.

---

С.-Петербург. С завода Лесснера. (Из письма рабочего). 24 марта здесь были распространены прокламации. По этому поводу приезжал фабричный инспектор и имел собеседование с рабочими, которые жаловались ему на сбавку расценков, на слишком продолжительный рабочий день и на обыски. Последние, по его словам, быть может, будут отменены — вопрос этот теперь разрабатывается. Через год или два он посулил и сокращение рабочего дня. Что касается до расценков, то на это воля хозяйская. Поговорил о рабочих старостах, которых-де предполагается установить по выбору рабочих для ведения переговоров с хозяином и для контроля за штрафным капиталом. В заключение «предостерегал от тех людей, которые наталкивают на политическую борьбу: дескать, это дело вам неподходящее и царями вас не выберут, а только будете представлять из себя пушечное мясо».

---

Кострома, 25 мая. На бумаготкацкой фабрике Бельгийского Акционерного Общества заработок ткачей всегда был крайне низок (не больше 30 — 35 коп. в день). После Пасхи они решили перейти с поденной платы на сдельную, надеясь вырабатывать больше. Вместо этого заработок пал до того, что 15 коп. стали считаться солидным заработком. Заработок взрослых женщин не превышал 9½ коп. в день (!). Помимо того, администрация стала переводить с менее сложных работ на более сложные, сохраняя прежний расценок. Рабочие обратились к фабричному инспектору, но тот заявил, что «это не его дело». В ночь на 1 мая были распространены местным Комитетом майские листки. 5 мая рабочие оставили работу и толпой человек в 500 отправились к губернатору, требуя его вмешательства. Тот предложил им уйти на фабрику и выбрать депутатов. Рабочие отказались, боясь, что их арестуют. 6 мая губернатор был на фабрике и говорил с рабочими. Рабочие потребовали увеличения расценков и удаления одного из директоров, человека очень грубого. 7 мая ждали обещанного губернатором ответа, но его не последовало, и рабочие отправили к нему депутатов. 8 мая пронесся слух, что рабочие, отправленные к губернатору в качестве депутатов, арестованы. Часов в 11 толпа рабочих, человек в 500, собралась около фабрики товарищества; среди них было много женщин. Произошла первая стычка с полицией. Какой-то пристав вступился за избитого рабочими директора, замахнулся шашкой на одного из стачечников. Тотчас его избили и отбросили в сторону. Отправились к губернаторскому дому. Оказалось, что губернатор уехал. Крик «да здравствует свобода!» был здесь подхвачен гром-

ким «ура!». Рабочие через весь город прошли к тюрьме освободить арестованных, но тюремная администрация уверила их, что рабочих депутатов (арестовано 15 чел.) у нее нет. Шествие отправилось дальше. Около полицейского управления раздалось «ура!» и взвилось красное знамя; пели «Марсельезу», по рукам ходили прокламации, женщины выкидывали красные платки. Отбить знамя полиции не удалось, но около часу дня ей удалось разогнать толпу. Началась дикая расправа. В избиении приняли участие подоспевшие солдаты (несколько рот). Рабочих били, связывали веревками и отправляли в участки и губернское управление. Избиение продолжалось в губернском управлении на глазах присутствовавших тут чинов местной администрации... Здесь имел место такой эпизод: приводят женщину в последней стадии беременности. Жандармский полковник Кемпе грубо ее спрашивает: «как твоя фамилия?», та отвечает: «сам брал, сам и должен знать фамилию» (так отвечали многие рабочие). «Я тебя в тюрьме сгною, такая-сякая!». «Не боюсь тюрьмы, все равно на воле с голоду умирать». В ответ на такую «дерзость» работница получает от озверелого Кемпе пощечину. Даже иссушенные сердца чиновников не выносят такой сцены: один из них поднял на Кемпе руку и хотел его ударить, но его удержали и вывели в нервном припадке. Двое других, бледные и в слезах, покинули комнату. К 15 мая арестованных было 60 рабочих и 2-3 интеллигента.

Имевшая место стачка-демонстрация особенно интересна, во-первых, тем, что главная роль в ее организации принадлежит самим же рабочим, а во-вторых, ярким проявлением в ней тех особенностей переживаемого момента, которые простую мирную стачку неминуемо превращают в настоящую политическую демонстрацию. Впечатление от бывшей демонстрации громадно. Ярославским Комитетом выпущена прокламация об этих событиях.

Рабочие Зотовской мануфактуры одновременно потребовали введения некоторых улучшений. Им тотчас же уступили. Несколько ранее была в Костроме же стачка на Кашинской фабрике — требовали увеличения заработной платы. Помирились на компромиссе, но рабочие оказались обманутыми.

* * *

Следующие, более новые сведения, заимствуем из одного частного письма: «... 8 мая рабочие устроили по городу манифестацию со знаменем, песнями и прочими аттрибутами. Прошли через весь город, отбиваясь от полиции и жандармов, до острога, где много сидит их товарищей, и обратно. Примыкали к демонстрации и посторонние лица, арестованы двое студентов. Во время манифестации были многие жестоко избиты, и одна женщина восемнадцатого числа от побоев умерла в больнице. Вызванные войска не принимали участия в усмирении, благодаря сдержанности губернатора. После этого до 19 мая все было спокойно. В этот же день к стачечникам по окончании работ примкнули рабочие других фабрик—Кашина, Зотовых и Чумакова. Квартиры администрации фабрики были разгромлены, полиция и жандармы смяты. Приехавшего для увещания губернатора встретили градом камней. Фабрика была занята войсками. На рассвете другого дня полиция принялась за аресты: вламывалась в дома и забирала всех. Тюрьма, части и кладовые полны арестованными, жестоко избитыми и, говорят, даже оставленными без пищи.

«С этого дня схватки идут каждую ночь. Все фабричные кварталы страшно озлоблены. К рабочим выходят на помощь ремесленники и мелкие торговцы. Третьего дня полуроту солдат, пошедшую на штыки, встретили таким градом камней, что солдаты опрометью бежали на фабрику. У восставших имеется более 20 охотничьих ружей и много отнятых у полиции револьверов. Мостовая на Солдатской и Власьевской улицах разобрана и камни пошли в качестве оружия. Убито несколько жандармов, сильно избит один офицер. На фабрике, говорят, было четыре трупа рабочих, кроме того, на улицах многие получили смертельные раны. Убит один лавочник во дворе своего дома выстрелом городового через забор. Сегодня ночью были слышны залпы.

«Виновники беспорядков, бельгийцы-директора, по настоянию губернатора, убрались из Костромы. Что будет дальше, не знаю, но если правда половина того, что рассказывают про действия жандармов и полиции, то вряд ли скоро утихнет озобление рабочих, теперь направленное исключительно против этих мерзавцев. Рабочие терпят большую нужду».

* * *

Из третьего сообщения о тех же событиях:

В январе 1903 г. была сделана попытка понизить заработную плату; это вызвало забастовку части рабочих в половине марта, но дело было улажено мирным путем и довольно скоро. Кроме того, были выписаны на фабрику новые машины для узорчатого тканья, на которых костромские непривычные к ним ткачи вырабатывали очень мало: так, при расчете посдельно получили за 2 недели по 1½ руб. Вначале рабочие хотели уладить дело мирным путем и отправились к губернатору, но его не оказалось дома, тогда пошли к вице-губернатору, тот вышел и поговорил с ними, но никаких результатов рабочие не добились.

Утром 20 мая войска выступили из Костромы в лагери. В Костроме два батальона — один из них уехал в Ярославль, другой в Нижний-Новгород; осталась только конвойная команда. 20-го же, около 9 часов вечера, рабочие с Б. М. начали собираться на улице недалеко от фабрики, к ним присоединились рабочие с соседних двух фабрик т-ва бр. Зотовых и т-ва Костр. льняной мануфактуры, так что образовалась толпа около 5.000 человек; прежде всего прервали телеграфное и телефонное сообщение с городом (фабрика стоит на окраине города), потом выбрали камни из мостовой, запаслись кирпичами с находящейся недалеко постройки, и все это полетело в здания, принадлежащие фабрике, перебили все окна. В одиннадцатом часу прибыла конвойная команда и отряд городовых. На другой день прибыли обратно в Кострому две роты, на третий еще одна. Беспорядки продолжались по вечерам с девяти часов еще 22-го и 23-го. Солдаты стреляли в воздух, но все-таки есть раненые с той и другой стороны—у рабочих было несколько револьверов. Ранено несколько человек, совсем непричастных к делу. В настоящее время фабрика охраняется солдатами. Аресты рабочих продолжаются. По некоторым сообщениям, 21-го на улице был выкинут красный флаг.

---

Тверь. Тверским Комитетом майские листки О. К. были распространены дважды: и по старому и по новому стилю. В оба раза их было распространено до 7.000. Из «распространителей» с поличным никто задержан не был, но на другой день было произведено среди рабочих до 15 обысков и арестовано 5. Двое, впрочем, были скоро освобождены. Рабочая организация не задета. От иных форм празднования Комитет отказался по достаточно веским причинам. По отзывам широкой публики листков было «чрезвычайно много», «везде они есть». Среди рабочих они вызвали брожение. На Морозовской и Берговской мануфактурах стали поговаривать о стачке. Тогда Комитет выпустил листок к рабочим фабрики Берга. Полиция немедленно приняла ряд мер, набили все этажи городовыми. «От станка не давали отойти», — передавали рабочие. На этой мануфактуре большинство — женщины, элемент консервативный. Стачка не вышла.

Вообще и обыватели и власти ждут «бунта». Поднимался вопрос о том, чтобы совсем не уводить войск в лагерь, и оставлена двойная охрана. Листки попали и в деревни, вызвали много разговоров все о том же «бунте». По содержанию, разумеется, эти листки туда не вполне подходят.

Майские листки были распространены также и в Новоторжском уезде на писчебумажной фабрике Кувшинникова и стеклянном заводе. Произвели они громадное впечатление не только на рабочих, но и на всю округу. Дом весьма непопулярного земского начальника Полторацкого весь был заклеен ими. Наезжали туда «голубые», но ничего не нашли. Но самый крупный успех достался на долю Вышнего Волочка. Там находятся три бумагопрядильных мануфактуры. Две из них прохоровские, на одной (так называемой «Таболке») 3.500 рабочих, на другой («Солдатке») около 900, большею частью женщины. Третья мануфактура принадлежит Рябушинскому, на ней до 4.000 раб. Порядки на них издавна царили безобразные... Не довольствуясь

«нормальным» рабочим днем, фабрики пускали паровую раньше, останавливали позже, выгадывая ежедневно по ¾ ч. лишнего. Расценки систематически понижали, особенно с 1901 г., ссылаясь на промышленный кризис. Были и другие милые особенности в выдаче заработной платы, которые сильно раздражали рабочих. Так, литейный мастер получал жалованье не от конторы, а из цеховой платы всей мастерской (конечно, львиную долю). Или, например, подносчики основ за подачу их ткачихам не получали жалованья, должны же были брать «из рук» 5 коп. Штрафы брали беспощадно за все, что можно. На Прохоровской мануфактуре с 1898 г. накопилось 16.000 рублей штрафного капитала. Пособия же из него выдавали таким образом: в книжке писали 10 р., а выдавали рубля 2 — 3. Штрафовали за неявку на работу по болезни (хотя при фабрике врача нет, выдать свидетельство некому): называли такие пропуски «пьяными» днями. Грабили рабочих на браковке, на товарах потребительной лавки, обмеривали при приемке куска ткани аршина на четыре, а то и на семь. Последнее обстоятельство установлено фабричным инспектором и прокурором. Возмутительно было отношение администрации к рабочим. Директор Рябушинской мануфактуры Ганьшин, пробыв всего три месяца, успел снискать общую ненависть. Грубо обходился с рабочими мастер механической на Прохоровской мануфактуре Кудрявшев. Мастер Степанов и директор Горожанский (Прохор. ман.) не давали прохода красивым работницам, «завели свой гарем», по выражению рабочих... Но со времени большой стачки в первой половине 90-х годов ни одна попытка борьбы не потревожила покоя хозяев и властей. В январе 1903 г. был там арестован рабочий Смирнов, проживавший по нелегальному паспорту.

В апреле Тверской Ком. имел сведения, что в Вышнем Волочке неспокойно. В ночь на 1 мая он распространил там свыше 500 шт. майских листков. Они произвели сильное впечатление. «На улицу!» раздалось на всех трех фабриках. Сперва забастовали прохоровские прядильщики (первого числа); второго к ним присоединились ткачи и Рябушинская фабрика; третьего мая забастовали мастеровые. До четвертого мая рабочие большими толпами собирались на площади перед фабрикой и сообща выработали свои требования, не подпуская полицию. Главные требования были: 1) девятичасовой рабочий день, под праздники восьмичас.; 2) отчетность в штрафных капиталах; 3) повышение заработка на 20%; 4) устройство библиотек при фабриках и некоторые другие, более мелкие. Рабочие забастовали замечательно выдержанно и спокойно. Как водится, прилетели все власти, стали убеждать рабочих стать на работу, те стояли на своем. Вызвали шесть рот войска и перевели весь город на военное положение. Везде ходили патрули, останавливали и опрашивали проезжающих. Небывалое зрелище представлял Волочок в свои «майские дни». Весь город говорил о стачечниках; сочувствие обывателей на их стороне.

Войска скоро убрали, а рабочим об'явили расчет. Стали гнать с хозяйских квартир, высылать под конвоем старост по деревням. Но рабочие вновь возвращались, настроение среди них держалось твердое, боевое. Товарищ, которому Комитет поручил исследовать положение дел на месте, вынес превосходное впечатление. «Не сдадимся, будем бороться до последней крайности», слышал он на каждом шагу *.

С 8 мая Прохоров пошел на уступки, сначала мелкие. Рабочие не сдались. В тот же день среди стачечников были распространены листки Комитета с призывом продолжать стачку. Они сильно поддержали настроение. 14 мая Прохоров вывесил новые уступки, подписанные фабр. инспекцией: повысил расценки на 15%, дал обещание не притеснять отпусками, пред праздниками кончать не в десять час., а в шесть. Но прядильщики уперлись, требуя платы за сбавленные часы рабочего дня. 14 мая появились вторично листки Комитета. 18-го Прохоров удовлетворил последнее требование, и с 19-го фабрика пошла. На уступчивость его сильно повлияла вынужденная остановка его большой ткацкой фабрики при ст. Подсолнечной, которая работает пряжей с «Таболки».

Рябушинские рабочие сдались 14-го, выиграли пустяки — повышение заработной платы на 5% и облегчение штрафов.

Но Прохоров поступил, как заправский мошенник. Видя, что рабочие истомились продолжительной стачкой (его служащие раз'езжали во время стачки по городу и просили закрыть рабочим кредит во всех лавках), числа 21-го он об'явил, что «никаких уступок им не будет», и убрал об'явление об уступках. Рабочие 22-го опять забастовали. Но борьба была им уже не под силу, и они на другой день сдались. До чего велики были лишения их во время стачки, видно из того, что среди них констатированы случаи цынги.

На этот раз вышневолоцкие рабочие проиграли битву капиталу. Но они поймут зато, что одна экономическая борьба не даст надежной гарантии их праву на человеческое существование. Их неудача, надругательство Прохорова открыли многим из них глаза. И если мы прибавим к нашему счету удивительную выдержку и дисциплину, которую они проявили, то не будет большой смелостью сказать: от «майских дней» в Вышнем Волочке не так уже далеко до «ноябрьских дней» в Ростове!

P. S. В корреспонденции из Твери в № 39 «Искры» грубая ошибка: на Морозовской мануфактуре не до тысячи рабочих, как ошибочно напечатано, а до двенадцати тысяч рабочих.

---

Одесса. 1 мая в железнодорожных мастерских забастовали 278 рабочих, из них 150 с семьями устроили маевку за большим вокзалом. Явился околоточный с городовыми и потребовал разойтись, так как «не полагается» и «траву мнете». Рабочие ответили, что не буйствуют, и владелец дачи разрешил сидеть на траве. Околоточный удалился, оставив стражника. Пели революционные песни и говорили речи о «независимых». В 12 часов полиция приказала запереть все ворота. На улице задерживали подозрительных. Между прочим, задержали двух евреев и, когда на вопрос «откуда?» они ответили «из Кишинева», полиция избила их и отправила в участок. Около двух часов на балтской дороге стали собираться рабочие, созванные социалистами-революционерами на собрание. Появилась конная полиция, которая задержала 29 человек. В то время как их вели по Московской улице, толпа евреев-лавочников набросилась на арестованных (из них 19 человек евреи) и нещадно избила их, при этом убит булочник Дмитрий Казагранде. У кожевенного завода толпа рабочих сделала попытку отбить арестованных, но околоточные и городовые угрожали стрелять. Один рабочий с криком «долой самодержавие» ударил околоточного по лицу и вместе с другими был отправлен в участок, где многих страшно избили. По городу 1-го и 3-го расставлены войска. Сионисты выпустили листки, в которых доказывают, что правительство не при чем в Кишиневском погроме, что евреев ненавидят все, что им нечего мечтать о равенстве... и нужно итти к ним, сионистам.

P. S. В каменоломнях из 2.000 рабочих работали едва 200 человек. На кожевенных и стекольных заводах не работало большинство. Бастовали многие ремесленные мастерские. «Независимые» выпустили листки, в которых приглашали работать, чтобы показать, кто стоит за правительство. Листки раздавали на глазах у полиции.

---

Белосток. 19 и 20 мая у нас были внушительные манифестации. В первый день еврейских праздников толпа в 600 человек, возвращаясь с собрания, торжественно прошлась через городской лес, где бывает обыкновенно больше народу, чем в самом городе, и по некоторым улицам с песнями «Вихри враждебные», «Падение Бастилии» и с криками «долой самодержавие», «да здравствует социализм», после чего все мирно разошлись. На следующий день в лесу состоялось массовое собрание из двух-трех тысяч человек. На обратном пути повторилось то же, что в предыдущий день. Вся масса представляла собою одну сплошную стену. Красиво было смотреть, как вся эта масса шла в полном порядке, как один человек. Из всех

---

* Арестовано было 14 «вожаков». На добычу жандармы шли не иначе, как под охраной взвода солдат.

домов выбежали смотреть на эту процессию. Полицейские боялись подходить к толпе и прятались.

Орша. В субботу, 30 мая, состоялось собрание рабочих в лесу, в восьми верстах от города. Говорили несколько ораторов из интеллигенции и из рабочих на разные темы. Собрание продолжалось от часу дня до девяти вечера, после чего все отправились в город с революционными песнями и возгласами. Настроение было приподнятое, возбуждение сильное, особенно у сочувствующей интеллигенции.

Здесь стачка столяров; бастуют 37 человек. Требуют обратного приема товарищей, уволенных в качестве «зожаков» движения, сокращения рабочего дня и пр. Нужда сильная. Сочувствующая интеллигенция помогает стачечникам.

# ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

## СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПОБЕДА В ГЕРМАНИИ

16 (3) июня состоялись в Германии выборы в рейхстаг. Они доставили новую победу германской социал-демократии, а, след., и всему делу международного социализма, во главе которого стоит великолепно организованная, дисциплинированная и об'единенная строго-выдержанной программой германская рабочая партия.

События последнего года и, главным образом, борьба против таможенного законопроекта, которую вели в парламенте социал-демократы, придали особое значение нынешним выборам. Реакционное большинство рейхстага приняло проект об увеличении пошлин на ввозный хлеб, т. е. законопроект об обложении всего городского населения налогом в пользу помещиков и достаточного крестьянства. Парламентская борьба соц.-демократии, которая прибегла к обструкции, не увенчалась успехом: законопроект прошел благодаря ряду грубых насилий со стороны большинства, прошел при содействии большей части буржуазных либералов (свободомыслящих), которые прекратили борьбу против пошлин из предательских избирательных расчетов, — чтобы не лишиться на выборах поддержки аграриев и реакционеров в тех случаях, когда им приходится выбирать между либералами и социалистами. Соц.-демократы, оставшись одни в борьбе за кровные интересы всей неимущей части населения, были всячески очерняемы в глазах избирателей: имущие классы, католическое и протестантское духовенство и сам император приняли участие в травле социалистов. Император Вильгельм старался особенно много: вопреки всем конституционным обычаям, он призывал рабочих покинуть, наконец, соц.-демократию, суля им всякие милости и соблазняя мыслью о «чисто-рабочих» депутатах, которые будут представлять подлинные интересы рабочих и которым обеспечено благоволение начальства.

Опираясь на недовольство широкой массы населения таможенным законопроектом, на разочарование в либералах, которое испытала масса буржуазных избирателей в виду их измены, — соц.-демократия развернула широкую агитацию во всех концах Германии. Но, сосредоточив борьбу на вопросе о таможенных пошлинах, соц.-демократия не покинула строго-классовой точки зрения, не оставляла в тени своих социалистических задач. В бой она выступила независимо от всех других партий, выставляя кандидатов во всех избирательных округах, даже в тех, где она не имела шансов провести своего кандидата. Подсчет социалистических голосов ей важен ничуть не меньше, чем такой практический результат, как ослабление реакционного большинства рейхстага.

Этот подсчет голосов, доверяющих свое политическое представительство революционной партии пролетариата, совершается в Германии более тридцати лет и позволяет с математической почти точностью судить о развитии классовой борьбы в Германии, о приближении социалистов к окончательной победе.

В первом парламенте Германской империи (в 1871 г.) соц.-демократы имели за собой (в круглых цифрах) 120 тыс. избирателей, в восьмидесятых годах (1881 г.) — 310 тыс., в начале девяностых годов (1890 г.)—1430 тыс. В нынешнем году за них подано три миллиона (3.008.000) голосов, приблизительно около трети всего населения, имеющего право голоса. За пять лет, прошедших со времени последних выборов (1898 г.), партия возросла на 900 тысяч голосов, т. е. на 42%. Этот постоянный прирост создается из новых сотен тысяч пролетариев, оторванных капитализмом от собственного хозяйства в земледелии и ремесле; из отчаявшихся добиться чего-нибудь при современном строе крестьян и ремесленников; из пробудившихся впервые к сознательной политической жизни наиболее отсталых слоев рабочего класса в городе и деревне; наконец, из той части демократической интеллигенции и буржуазии, которая покидает либералов, видя их полную неспособность бороться за дело свободы, и переходит к социалистам, как единственной партии будущего. Рост организации сознательной части пролетариата и рост ее влияния на все угнетенные и недовольные слои населения — вот о чем говорят нам эти красноречивые цифры.

Еще красноречивее звучат цифры, показывающие рост партии по отдельным районам Германии. Во всей Пруссии соц.-дем. голоса возросли за 5 лет с 1.142 тыс. до 1.647 тыс., т. е. на полмиллиона, или на 43%; в Берлине с 155 тыс. до 218 тыс. (41%), а в провинции Бранденбург (район Берлина) с 162 тыс. до 242 тыс. (50%). В Вестфалии и Рейнской провинции — в том промышленном районе, где до сих пор соц.-демократия была представлена всего слабее, благодаря тому, что масса рабочих до сих пор находилась под влиянием ловких католических попов и на выборах неуклонно голосовала за партию центра (клерикалы), в этом районе соц.-демократия с 189 тысяч голосов выросла до 346 тыс. т. е. на 83%. Наконец-то, пробита крупная брешь в твердыне самой зловредной и самой сильной реакционно-буржуазной партии центра, — единственной, которая еще пользовалась влиянием на часть рабочего класса! В Баварии число соц.-дем. голосов поднялось с 138 тыс. до 212 — на 52%, в Бадене — с 50 тыс. до 79 тыс. (58%), в Виртемберге — с 62 тыс. до 100 тыс. (61%): в этих земледельческих районах мелкие крестьяне, отчаявшись в помощи со стороны правящих классов, переходят понемногу на сторону партии пролетариата.

Но всего внушительнее, всего грознее рост социалистического движения в Саксонии — этой самой промышленной части Германии, этой колыбели германского соц.-демократического движения. Здесь уже в 1898 г. за соц.-демократию было подано почти триста (299) тыс. голосов — около половины всего числа избирателей. Те-

перь за нее подано 443 тыс. (возрастание на 48%). За социал-демократов подано на 150 тыс. голосов более, чем за все прочие, т. е. чем за все буржуазные партии. Большинство саксонского населения высказалось за социализм точно так же, как большинство населения Берлина, Гамбурга и многих других крупных городов Германии.

Если бы в германском парламенте политические партии были представлены соответственно количеству голосов, поданных на выборах, социал-демократия имела бы более $^1/_3$ депутатов (130 чел.). Но благодаря неправильному распределению избирательных округов, сельские округа выбирают по одному депутату на 15 — 20 тыс. избирателей, городские же — по одному на 50, а то и все 100 тыс. Поэтому число социал-демократов в парламенте будет значительно меньше указанной цифры. Пока с первого раза избрано 56 социал-демократов, из них 15 в таких местах, где прежде были избираемы депутаты иных партий. В столице — Берлине из 6 округов в пяти сразу прошли социал-демократы и только в одном, самом богатом, округе Берлина либералы еще надеются отбить у социалистов место в парламенте. 12 (25) июня состоятся перебаллотировки в тех округах, где с первого раза ни один кандидат не получил абсолютного большинства (т. е. более половины всего числа голосов). В этих округах перебаллотировка происходит между теми двумя кандидатами, которые в первый раз собрали каждый больше голосов, чем остальные. Таких округов осталось 180, из них в 121-м выборы будут происходить между соц.-демократами, с одной стороны, и буржуазными кандидатами — с другой. Вероятно, после перебаллотировок соц.-демократы выиграют еще 20 — 30 мест в парламенте, так что общая их численность будет 80 с лишним*. До сих пор их было всего 58.

Мы постарались дать картину той победы, которую наша партия одержала на германских выборах. К подробностям этого события мы еще вернемся, когда избирательная борьба закончится. Здесь еще раз отметим, что победа 3 июня есть победа всего пролетариата целого мира. Чем быстрее растет сила социал-демократии в Германии, тем ближе тот момент, когда второе по величине и значению европейское государство станет действительно свободной страной, страной, вполне демократической. Будет ли эта перемена в Германии достигнута «мирным» путем, или германские правящие классы постараются задержать рост пролетарского влияния каким-нибудь государственным переворотом и тем вызовут революционное восстание германского народа, — в том и другом случае падение реакции в Германии и превращение ее в свободную демократию окажет громадное влияние на внутренние дела всех европейских стран и — прежде всего — России.

Социалистические партии всех стран понимают всемирное значение победы германской социал-демократии и выразили это материальной поддержкой, которую они оказали немецким товарищам на ведение избирательной агитации. По соглашению с Орг. Ком. редакция «Искры» внесла от русской соц.-демократии 500 мар. (250 руб.) в избирательный фонд германских товарищей.

*[Свиягин]*

* Статья была набрана, когда телеграф принес известие, что после перебаллотировок число избранных соц.-демократов дошло до 82.

## ИЗ ПАРТИИ

От Сибирского соц.-дем. Союза (письмо в «Искру»). Товарищи! В январе 1903 г., как вам уже известно, Сиб. Союз заявил себя Комитетом Партии, выразил свою полную солидарность с «Искрой» по вопросам теории и практики революционной борьбы и признал эту газету своим руководящим органом. После этого заявления, напечатанного в собственной типографии Союза, агитационная деятельность организации выразилась в след. К первому марта был выпущен листок № 1, по поводу казни Александра II, раз'ясняющий, за что был убит царь-«освободитель» и кто такие были его убийцы. Заканчивается он указанием, что теперь, когда на историческую сцену выступил истинно-революционный класс — русский пролетариат, под знаменем революционной социал-демократии, ему предстоит и он способен совершить иное дело: казнить не царя, а русское самодержавие. В этом же месяце выпущен листок № 2 с перепечатанным из «Искры» заявлением Организационного Комитета. В этом листке Союз выражает свою искреннюю радость по поводу этого события и свою готовность всеми силами способствовать начинаниям Орг. Комитета. В марте же месяце выпущено еще четыре листка: № 3 — перепечатка тайного циркуляра ген. Сухотина с послесловием от Союза; № 4 — к гражданам: о томской демонстрации 18 февраля; № 5 — о царском манифесте 23 февр.; № 6 — под названием «Царская памятка», представляющий краткий доклад царю о соц.-дем работе, о рабочем движении по линии сибирской магистрали и томской демонстрации 20 февраля (в дополнение к верноподданническому докладу г. Витте о постройке великой Сибирской дороги). В следующем месяце, апреле, Союзом распространено семь прокламаций, которые все являются приуроченными уже к первому мая (18 апр.). Прокламация № 7 написана на тему: для чего нам нужна политическая свобода; № 8 — о международности соц.-демократического движения и о том, что предстоящее политическое освобождение России есть акт международного значения (как № 7, так и № 8, с картиной, изображающей в малом виде известную «пирамидку»); № 9—к обществу, в виде письма с требованием добровольно освободить от работы в день 18 апреля всех служащих по найму (красные); № 10 — о демонстрациях: что такое демонстрации и для чего следует их устраивать (напечатана в типографии Красноярского Комитета); № 11 — на тему: что такое первое мая, его происхождение и празднование; № 12 — к солдатам, по поводу первого мая; № 13 — первомайская (последние три изданы на красной бумаге). В дополнение к № 13 Союзом было издано более шести тысяч карточек с первомайскими требованиями. Всего же прокламаций, не считая только что упомянутых карточек, типографией Союза выпущено, начиная с 1 марта по 18 апреля, не менее 40.000 экз. Распространены они были (за исключением некоторых) в городах: Омске, Томске, Красноярке, Иркутске, Чите и во многих местах по линии Сиб. жел. дороги. Комитеты за это же время, в свою очередь, выпустили по несколько листков на местные и общие темы (техника: в красноярском и томском комитетах — типографии, в иркутском — ремингтон через мимеограф, в читинском — гектограф). Всеми комитетами — вскоре по выступлении Сиб. Союза с новым программным заявлением—были выпущены каждым свое особое заявление с выражением солидарности с принципиальными положениями, высказанными Союзом (подробные отчеты комитетов пока еще не получены Союзом).

Самыми выдающимися событиями надо считать, конечно, томские демонстрации: 18 и 20 февраля, и особенно 18 апреля, а затем огромное оживление среди учащихся средней школы, вызванное, без сомнения, ничем иным, как деятельной революционной работой сибирских соц.-дем. комитетов (уже известная вам история в Чите, забастовка Промышленного училища в Иркутске, история, подобная читинской, в иркутской мужской гимназии, забастовка жел.-дор. училища в Красноярске и некоторые другие).

День первого мая (18 апреля) повсюду прошел в напряженных ожиданиях и приготовлениях полиции, жандарме-

рии и войск. Тысячи листков и масса различных первомайских инцидентов чрезвычайно популяризировали пролетарский праздник по Сибири. Открытое выступление на улицу томских рабочих в день первого мая ясно показывает, что соц.-дем. агитация в Сибири упала на плодородную почву. Томскими демонстрациями заложен прочный фундамент для революционного дела в Сибири, и нашим комитетам предстоит много трудной, но славной работы. К сожалению, и у нас в Сибири, как это было почти повсюду, под'ем революционного настроения породил массу кустарей и кустарнических предприятий. Всевозможные соц.-дем. группы, кружки и органы вырастают, как грибы, лишь для того, чтобы в самом же скором времени прекратить свое существование по независящим обстоятельствам. Правда, в этих «независящих обстоятельствах» пока еще весьма мало фигурирует воля местной полиции и жандармов, но не надо быть пророком, чтобы предсказать близкое исчезновение старо-сибирской полицейской патриархальности. И тогда — наша раздробленность, наша (совсем недостойная революционера) страсть: непременно создать хоть плохое, да «свое», может оказаться (да, пожалуй, и оказывается уже) на-руку только полиции и шпионам.

Пользуясь настоящим случаем, мы со страниц «Искры» призываем всех товарищей, живущих в Сибири и желающих принять активное участие в разгорающейся борьбе, прежде чем начинать дело на собственный риск и страх, обращаться к существующим уже соц.-дем. комитетам и примыкать к ним, входя с ними в те или другие соглашения. Работы слишком много, и для всякого искренно жаждущего дела найдется обширнейшее поле для приложения его сил, избавляя его в то же время от храброго, но безрассудного выступления в бой против врага, закованного в железо, с простой дубиной.

Сиб. Союз-Комитет Росс. С.-Д. Раб. Партии всеми силами будет стремиться об'единить и централизовать революционную работу в Сибири под знаменем революционной соц.-демократии и превратить эту работу из местной, кустарнической, замкнутой в себе и разрозненной — в общерусскую, преследующую не местные узкие цели и задачи, а служащую, первым и главным образом, на пользу организации Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии.

Сиб. Союз, вполне признавая авторитет Орган. Комитета, признает за ним право и на общепартийные функции, причем организацию местной работы считает необходимым возможно скорее поставить в теснейшую связь и живую зависимость от деятельности Орган. Комитета.

Сиб. С.-Д. Союз-Ком. Росс. С.-Д. Р. П.

Отчет кассы Союза: поступило с февр. 1903 г. по 18 апреля 1.141 р. 25 к.; израсход. 1.392 р. 80 к.; итого дефицит 251 р. 55 к. Из этих денег в орган. «Искры» и в Орг. Ком. 200 руб. Тип. Союза за это время издано: «Речь Алексеева» 1.500 экз., «С чего начать», статья из № 4 «Искры», 5.000 экз. и 45.600 прокламаций.

---

Заявление. Союз Борьбы за Освобождение Рабочего Класса. С.-Петербургский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Мы заявляем, что: 1) группа лиц, выступившая из нашей организации осенью 1902 г., о чем она тогда же выпустила заявление за подписью Комитета Рабочей Организации и впоследствии 16 № «Рабочей Мысли», и 2) группа лиц, выступившая из нашей организации в конце февраля 1903 г. и выпустившая листок о кишиневских событиях (на мимеографе), майский (печатный) и еще некоторые за подписью С.-Петербургского Комитета, не имеют права, не нарушая постановлений с'езда 1898 г., присваивать себе первая — названия Союза Борьбы, а вторая — названия С.-Петербургского Комитета.

Май 1903 г.

С.-Петербургский Комитет.

---

Одесса. В течение апреля Ком. распространил прокламации: «Письмо из Томска» — 4 тысячи, «Манифест 26 февраля» — 4 тысячи, «О политической свободе» — 2½ тысячи, «О погроме» и «К обществу» — 2½ тыс., «К рабочим» — 4 тыс., майских Организационного Комитета — 9 тысяч, майских Одесского Комитета — 10 тысяч, «О погроме» Кишиневского Ком. — 1½ тыс., «О независимых» — 4 тыс. В мае: первого, поздравление, с 1-м мая — 5 тыс. и 14 мая «О самодержавии» — 1 тыс. Всего 50½ тысяч листков.

---

Поправка. В предыдущем номере, в статье «Польские социал-демократы о Бунде», вкралась ошибка: вместо «Przeglad Robotniczy» надо читать «Przeglad Social-demokraticzny» — название органа польских товарищей.

---

Вышли новые издания Лиги:

1. Л. Мартов. Рабочее дело в России, второе переработанное издание.
2. К. Каутский. Социальная реформа и революция

---

## ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ.

Петербург. В мае в Доме предв. закл. сидело 271 политических, в Литовск. замке 5, в Петропавловск. креп. 16, в Выборгск тюрьме 43, итого 332 чел., из них 252 мужчин и 80 женщин. В течение апреля арестованы: бестуж. Абрамович, врач Ю. Алякритская, раб. Андронников, студ. Б. Альман, Влад. Аксбергер, Екат. Аминицкая, курс. Софья Беленькая, Ревекка Бурд, мед. А. Баранова и В. Вавилова; рабочие Д. Вавилов, А. Васильев и Эд. Вальтер, Елиз. Гарина, мед. Вал. Григорьева и Людм. Громозова, студ. Герасимов, Зин. Дешина, Роман Грибовский, Л. Драшинский, мед. Евстифеева, лесгафт. Ольга Куликова, мед. О. Косач, раб. Каргин, Д. Клебанова, Д. Кулашин, Калашников, Рахиль Крин, Коноплянников, Коноплянникова, лесг. Ляпидова, мед. Е. Малых, И. Митрофанов, Вас. Марков, Н. Медведников, М. Маслова, лесг. Н. Медведева, А. Моргулис, горн. Николаев и Никитин, М. Никитина, лесг. Пигат, раб. Пчельников и И. Покотов, Пиратинский, Полютис, Потылицына, Плюснин, раб. Равенко, Анна Рейхбаум, три брата Розенберг, Анна Рабинович, раб. Ив. Рощин, гор. Суздальцев, Андр. Славянов, мед. В. Соболев, студ. В. Соколов, раб. Стерних, студ. Тер-Махаянц, лесг. Тончевская, студ. Фраткин, Хабаров, студ. Хохлов, сестры Шнеерсон, братья Штейман, наборщ. Шофман, Яков Эпштейн, рабочие Белов, Богданов, Вересов, Ведерников, Карчевский, Макеш, Морозов, Михайлов, Некрасов; матросы Сафронов и Николаев. В крепости сидят офицеры Григорьев и Васильев, нелегальн. раб. Петерсон (один из деятелей «Сев.-русс. раб. союза» 1878 года), Завадский, Альтовский, Буланов, Крейнерт, Крайгер — из Саратова, Красовский, Меленчук, Серяков, Виноградов, Флегонтов (с апреля 1902 г.) и Ременникова. — Тифлис. К концу апреля в Метехском замке находилось 39 политич. заключенных, в том числе 8 интелл. и 31 рабочий. Некоторые сидят два года и больше, как, напр., Ипполит Франчески, 34 лет (с 10 мар. 1901 г.), Виктор Курнатовский, 36 лет (с 21 мар. 1901 г.), раб. Эрасто Чатладзе, 30 лет (с 16 апр. 1901 г.), раб. Влас Миладзе, 29 лет (с 8 ноября 1901 г.). 13 апреля арестованы: Виталий Блок, бывш. гимназ.; Георгий Телия, Иван Дурглишвили, Абрам Михадзе, Варлам Бакуа, Симон Гейдеров, Давнис, Зах. Даржуания, Иван Дзадзамия, Шакро Казахишвили, Георг. Татузов, Леонтий Золотарев, Закомолдин — рабочие. — Екатеринослав. В мужской тюрьме заключенных 27 чел.: Н. Берман, Клим Фролов, Гр. Микулин, Евг. Беззаботный, Илья Нептуль, Абр. Бромберг, Дав. Броковский, М. Тарнапоруцкий, Вас. Ромашкин, Ф. Романенко, Кузьма Павленко, Марахонин, Штагаренко, Вацлав Левашкевич, Вульф Маркович, Борис Кулимович, Лисянский, Арк. Горбунов, Б. Закс, Сам. Рабин, Вл. Цедербаум, Наум Гарбузенко, Пав. Рубан, Ник. Тарач, Наум Вейсман, Ив. Лебединик (крест., привезенн. из Лозовой), Абр. Шнейдер. Увезен в Петербург — Слоним, в Вост. Сиб. — Вера Гурари. В женск. тюрьме сидят: Воротинова, Глюк, Пресс, Цейтлин, Кальманович. Из арестованных

8 апр. на кварт. у Кальманович освобождены: Вульфович, Файнберг, Златкина, Гинзбург, Сафьян; М. Лурье, арестованный у Иловайского, также освобожден. — Петербург. Арестованы 16 мая: редактор «Спб. Ведомостей» Шрейдер, Лукомский, статистик Пешехонов, Ник. Иорданский, присяжн. пов. Гуковский, студ. Шенк, Жозеф, Клейнборт, студенты-путейцы Измайлов, Кулачковский и Комаров; лесгафтички: Фонарева, Самохвалова, Ушакова. — Кострома. В начале мая арестованы статистики Савин и Метелкин (последний на улице с майскими листками). — Иваново-Вознесенск. Пришли приговоры по местному делу 1901 года. Они поражают своей суровостью: четверо рабочих сослано на 4 года в Восточную Сиб. (между ними Карякин и Володина), семь человек — в северные губернии на срок от 3 до 5 лет. — Ярославль. В средине мая в местной тюрьме было 15 политических заключенных. Против тюремных условий заключенные протестовали голодовкой. Местный Комитет выпустил листки к обществу с разоблачением подвигов жандармерии и прокуратуры. — Херсон. В ночь на 30 апреля арестована г-жа Певзнер с братом. Найдены гектограф и прокламации на еврейском языке. — Ст. Лозовая, Екатеринославской губернии. 6 мая арестован у нас чернорабочий Иван Лебединик, 17 л. Подозревается в распространении нелегальной литературы в окружных деревнях. Отправлен в Павлоград в тюрьму. Полиция ищет у нас Исаака Яковлевича Лисовского и Марию Животинскую. У нас таких не было, очевидно, предписание из губ. города. — Пермь. 3 апреля были обыски: у И. А. Матвеева, Ткаченко, Савельевой (все служ. ж. дор.) и у Костаревой (служ. губ. зем. упр.). Никто не взят. На 22 апр. обыски: у Н. Б. Скворцова (бывш. студ.), у Вологдина (бывш. студ., взят), у Шесырева (бывш. студ.), у Ткаченко (служ. ж. дор.), Еловиковой (обыск произведен в ее отсутствии), у Янкевича (служ. ж. дор., взят), у В. Поповой (уч. фельдш. курс., взята). 30 апреля взят Рутман (интелл.) и Фрайкин (фельдш. уч.), последний через неделю выпущен. 3 мая взят рабочий Нестеров, но вскоре выпущен.

Приговоры. По делу демонстрации в Кишиневе (в сентебре 1901 года) сосланы: акушерка Роза Барг, работница П. Шрифтейлик, братья Мичник, Роза Фукельман, Станислав Пржевальский, — на 4 года в Вост. Сиб.; Фортун. Каминский — 5 л. Вост. Сибири; Антонина Глоба, привлекавшаяся сверх того по киевскому делу и просидевшая 20 мес., на 6 л. в Вост. Сибирь. По делу 1902 г. в Кишиневе муж и жена Годлевские сосланы в В. Сиб. на 3 года. Нелегальный Сергей Цедербаум, арестованный в дек. 1901 г. в Ковне по делу «Искры», приговорен к ссылке на десять лет в Вост. Сибирь. Сосланы в Вологодскую губернию: Гоппе и Дрешер — рабочие из Варшавы; Штейгер — студент из Варшавы; по нижегородскому делу 1901 г. — рабочие Шамурова (муж и жена); Булатова, портниха; Булатов. В Вологодскую и Архангельскую губ. сослано около 25 рабочих по делам Орехово-Богородской рабочей организации и ростовской стачки 1902 г. На три года в Архангельскую губ. сосланы студ. Литов и курсистка Львова, оба из Петербурга. На 5 лет в Архангельскую губ. — рабочий Тимофей Орлов, по серпуховскому делу (был раньше в Вятской губ. по делу Моск. Раб. Союза). На 5 лет в Вост. Сиб. сосланы студ.-лесник Дмитрий Зайцев (дело Спб. Союза Борьбы IV 1901 г.) и Ольга Давыдова (Звездочетова) из Казани. В. Давыдов, студ. Казанского унив., по местному социал-демократическому делу приговорен к 3 г. надзора. По костромскому соц.-дем. делу 1901 г. приговорены: на 4 г. Вятской губ. — слесарь Егор Иванов; 3 г. Вятской губ. — фельдш. Дмитрий Востров, техник Александр Врублевский (предатель); 3 г. Архангельской губ. — статистик Н. Грацианский и народный учитель Ник. Насимович; к 3 мес. тюр. закл.: статистик Василий Соколов, приказчик Д. Прянишников, садовники И. Ф. Скрипкин и Коленцев; рабочие Ялгин, Василий Кулаков, Сергей Смирнов; чиновник Алексеев. 1 мес. тюрьмы — техник В. Федоровский. По тому же делу продлен на 1—2 г. срок ссылки ранее сосланным: портным Плугину (Вятск. г.), Н. Соколову (Казанская губ.); работницам М. Семеновой (Вятка) и О. Семеновой (Казанская губ.); рабочим С. Соколову (Самарская губ.) и Белову (Владивосток). Лев Хинчук (арестован в Москве в апр. 1902 г., ранее был в Якутской обл.) сослан в Вост. Сибирь до приговора. Бывший студ. Петербургского унив. Будрин, ар. нелегальным в 1902 г., сослан в Вологодскую губ. отбывать наказание по прежнему делу. Жена врача Шипулинская, жившая в Петербурге, сослана на 5 л. в Вост. Сибирь по делу об екатеринославской демонстрации 1902 г. Зельдов, дантист из С.-Петербурга, по делу «Белостокского соц.-дем. с'езда» сослан на 6 л. в В. Сибирь. Махайский (в Сиб. пробыл 8 лет) сослан на 6 л. в Якутск по делу об анархистской брошюре. Раб. Дзюбинская, судившаяся с участием сословных представителей (при закрытых дверях) за распространение майских листков Никол. Ком. (1902 г.), приговорена к ссылке на поселение в Сиб. с лиш. всех прав. Тому же наказанию за такое же «преступление» подвергнут Денисов, судившийся в Саратове. Раб. Селиверстов, суд. вместе с ним, приговорен к 3½ год. арест. рот.

В Якутске умер товарищ Ратынский, сосланный по делу Польской Соц.-Дем. Партии (1894 г.) на 6 лет (с 1897 г.).

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

«Декаденту». Проект не получен, адрес не годится.

Илье. Письма получены.

Получено: от мечтателя 50 руб., за литерат. из Лондона 2 ф., Ш., Мюнхен 25 рублей. Из Фрейбурга (саксонского) за литературу 61 ф. 55 с. От Цюрихской Сибирской Кассы для А—а 40 фр. От венки 10 крон. От Фриды через Матвея 12 фр. 30 с. Собрано в Шаи 7 фр. 50 с. Из Вены: за литературу 15 гульд., для Орг. Ком. от Бафа чер. Г. 5 гульд., для «Искры» от д. Р. С. 25 р., для О. К.: 1) от русск. рижск. с.-д. гр. 30 рубл., 2) от ворон. соц.-дем. гр. 80 р., 3) Анатолий Бреев получил и передал по назначению 2.100 руб.

В почтовый ящик № 41 вкрались следующие неточности: от «Ижицы» для Эмигрантской Кассы получ. не 5, а 10 фр., от Томского Ком. не 10, а 30 руб.

Деньги и письма для «Искры», «Зари» и «Лиги русской революционной соц.-дем.», а также требования на литературу просим направлять по след. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENÈVE (Suisse)

Типография «Искры».

## ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Речь идет об убийстве в Белграде 29 мая 1903 г. в результате офицерского заговора сербского короля Александра и королевы Драги (династия Обреновичей). Собравшаяся вскоре скупщина (сербский парламент) избрала королем Петра Карагеоргиевича.

Прим. 2. Мещерский, В. П. (1839 — 1914), князь — редактор-издатель газеты журнала «Гражданин», органа воинствующей дворянской реакции. Благодаря близости к придворным сферам, оказывал влияние на правительственную политику.

Прим. 3. Эпоха «дворцовых переворотов» — период 1725 — 1801 гг. В эти годы дворянская гвардия фактически распоряжалась царским троном, насильственно устраняя неугодных ей монархов и сажая на престол своих кандидатов. Здесь упоминается имп. Петр III, убитый гр. Орловым в 1762 году для освобождения престола Екатерине II, и Павел I, убитый в 1801 г., престол которого перешел к Александру I.

Прим. 4. О «Революционной России» — см. прим. 15-е в № 41 «Искры».

Прим. 5. Засулич, В. И. (1851 — 1919) — в революционном движении с конца 60-х годах сначала народница, затем социал-демократка. В 1878 г. выстрелом в петербургского градоначальника Трепова открыла период революционного террора. После раскола на Воронежском с'езде «Земли и Воли» (1879 г.) примкнула к группе «Черный передел». Находясь в эмиграции, вместе с Плехановым и др. положила основание группе «Освобождение Труда» (1883 г.). В начале 900-х гг. один из редакторов «Искры». После II с'езда В. И. примкнула к меньшевикам; в годы реакции солидаризировалась с ликвидаторами; в годы войны — социал-патриотка. К Октябрьской революции отнеслась отрицательно.

Прим. 6. О Лиге русской революционной социал-демократии — см. прим. 18-е к № 40.

Прим. 7. О журнале «Neue Zeit» см. прим. 20-е к № 41 «Искры».

Прим. 8. «Социал-Демократ» — литературно-политическое обозрение, издававшееся в Женеве в 1890 — 1892 гг. Русским социал-демократическим союзом. Вышло всего 4 книги. Главное участие в «Соц.-Дем.» принимали Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич.

Прим. 9. О «Народной Воле» см. прим. 7 к № 26 «Искры».

Прим. 10. Родбертус-Ягецов, К. (1805—1875) — немецкий экономист, последователь классической школы политической экономии — был одним из главных теоретиков «Государственного («прусско-юнкерского, по выражению Маркса) социализма».

Прим. 11. Казнь Сипягина — убийство С. Балмашевым 2 апреля 1902 г. министра внутренних дел Д. С. Сипягина.

Прим. 12. Речь идет о романе Кравчинского «Андрей Кожухов», которому В. И. Засулич посвятила статью в книге № 4 «Соц.-Демократа» за 1892 г.

Прим. 13. «Вестник Русской Революции» — «социально-политическое обозрение»—журнал, выходивший в Париже в 1901 — 1905 гг. Первый номер вышел как издание «группы старых народовольцев», а начиная со 2-го номера стал официальным органом партии с.-р., в которую вошла «группа старых народовольцев». Участие в журнале принимали: К. Тарасов, Л. Шишко, Ю. Гарденин (В. Чернов) и другие.

Прим. 14. Речь идет об аресте В. И. Ленина по делу Спб «Союза Борьбы» 9/XII — 1895 г. (ст. ст.).

Прим. 15. «Истинные немецкие социалисты» — мелкобуржуазные социалисты 40-х годов прошлого века, последователи Фейербаха и Прудона. Наиболее выдающимся их представителем был Карл Грюн. Сочувствуя пролетариату, «истинные социалисты» отрицали необходимость политической борьбы и политических свобод для рабочего класса, благодаря чему играли реакционную роль. Маркс и Энгельс говорят о них в «Коммунистическом Манифесте»: «Если „истинный" социализм стал таким образом в руках правительства оружием против немецкой буржуазии, то он и непосредственно представлял реакционные интересы, интересы немецкой мелкой буржуазии».

Прим. 16. О «Союзе русских социал-демократов» см. прим. 5-е № 1 «Искры».

Прим. 17. Партия «Народного Права» — мелкобуржуазная, народническая организация, основанная в 1893 г. Натансоном, Аптекманом, Черновым и др. Народоправцы отказывались от борьбы за социализм во имя об'единения всех оппозиционных и революционных сил низвержения самодержавия. Народоправцы были разгромлены правительством в апреле 1894 г. Большинство из них впоследствии вошли в партию с.-р. и народных социалистов.

Прим. 18. «Россия накануне двадцатого столетия» — книга, вышедшая в Берлине, в издании Гуго Штейница с подписью «Русский патриот». Автором книги был Б. Н. Чичерин (1828 — 1904) — профессор Московского университета, весьма умеренный либерал и ярый противник социализма.

Прим. 19. Чернышевский, Н. Г. (1828 — 1889) — по характеристике Маркса «великий русский ученый и критик, мастерски осветившей банкротство буржуазной политической экономии». В философии последователь материалистической философии Фейербаха. Выдающийся революционер и мыслитель, Чернышевский являлся руководителем революционного движения 60-х годов и идейно вдохновлял революционное движение 70 — 80 годов. Был арестован в 1862 г. и сослан в Сибирь и почти до самой смерти был лишен возможности непосредственно участвовать в общественном движении.

Прим. 20. «Работник» — непериодический сборник, издавался в 1896—1899 гг. за границей «Союзом русских социал-демократов», под редакцией группы «Освобождение Труда». Было выпущено всего 6 номеров.

Прим. 21. «Рабочая Газета» — издавалась нелегально в Киеве в 1897 г. Для издания этой газеты Киевский Союз Борьбы выделил особую группу «Рабочей Газеты». Вышло всего 2 номера. I с'езд РСДРП (1898 г.) признал «Рабочую Газету» центральным органом партии. После разгрома 8 марта 1898 г. избранного на с'езде ЦК и типографии, печатавшей «Раб. Газ.», попытку дальнейшего издания предпринял ЦК Бунда, предложивший сначала редактирование газеты, а затем сотрудничество в ней В. И. Ленину. Попытка Бунда возобновить издание «Раб. Газ.» не удалась.

Прим. 22. «Вестник Народной Воли» — революционное социально-политическое обозрение, выходило в Женеве в 1883 — 1886 гг. под редакцией П. Лаврова и Л. Тихомирова. Вышло 5 номеров. «Свободная Россия» — народническое издание, выходила в Женеве под редакцией Вл. Бурцева и Вл. Дебагорий - Мокриевича в 1889 г.

Прим. 23. Лавров, П. Л. (Миртов) (1823 — 1900) теоретик революционного народничества. Был членом «Земли и Воли», «Народной Воли», Первого Интернационала. Издавал за границей журнал «Вперед» (1873 — 1876), в котором призывал к «хождению в народ» для пропаганды идей социализма. В 1883 — 1886 годах был редактором «Вестника Народной Воли». Автор книги «Исторические письма», оказавшей большое влияние на русское революционное движение. Родоначальник так называемой «русской социологической школы».

Прим. 24. „Летучие листки народовольцев" издавались группой молодых народовольцев в нелегальной типографии в России, организовавшейся осенью 1891 г. Последний № 4 вышел 9 декабря 1895 г., в нем есть статья Лаврова «О программных вопросах».

Прим. 25. «Союз коммунистов» (1847—1851) — организовался в Лондоне из остатков немецкого мелкобуржуазного «Союза Справедливых», который постепенно становился все более пролетарским и интернационалистским. Новый устав и программу «Союз Коммунистов» принял на с'езде в Лондоне в ноябре—декабре 1847 г. при участии Маркса и Энгельса. От имени «Союза Коммунистов» был выпущен в 1848 г. знаменитый «Манифест Коммунистической партии», написанный К. Марксом и Энгельсом. Разногласия между революционно-пролетарской частью союза, группировавшейся около Маркса, и мелкобуржуазной во главе с Виллихом и Шаппером привели к расколу и распадению Союза в 1851 г.

Прим. 26. Богданович Н. М. (1856 — 1903) — уфимский губернатор, был убит в Уфе 6 мая 1903 г. за расстрел рабочих в Златоусте с.-р. железнодорожным рабочим Дулебовым.

Прим. 27. О златоустовской бойне — см. корреспонденцию «С Урала» в № 38 «Искры».

Прим. 28. «Свет» — черносотенная газета, издавалась в Петербурге Комаровым.

Прим. 29. Мирбо Октав (р. 1850 г.) — известный французский писатель. В своих романах нередко критиковал современное капиталистическое общество, подавляющее и развращающее человеческую личность. «Дурные пастыри» — роман Мирбо, в котором он рисует, как власть капиталистов ведет рабочих к вырождению и бунту.

Прим. 30. Елпатьевский С. Я. (р. в 1854 г.) — народный социалист, врач, беллетрист, автор ряда бытовых набросков, путевых впечатлений, воспоминаний.

Прим. 31. О демонстрации 2 марта — см. в № 37 «Искры» «К ростовской демонстрации 2 марта».

Прим. 32. Бобриков Н. И. (1839 — 1904) — с 1898 г. генерал-губернатор Финляндии. Энергично руссифицировал край, почти совсем упразднил финляндскую конституцию. Убит 3 июня 1904 года финляндцем-террористом Евг. Шаумяном.

Прим. 33. Мемуары кн. Кропоткина — «Записки революционера» анархиста П. Кропоткина.

Прим. 34. О старо-фенноманах — см. прим. 15 к № 33 «Искры».

Прим. 35. О шведоманах см. прим. 14-е к № 40 «Искры».

Прим. 36. О младофенноманах см. прим. 14-е к № 40 «Искры».

Прим. 37. Дейтрих (1902 — 1905) — помощник финляндского генерал-губернатора. В 1905 году на него было неудачное покушение.

Прим. 38. Кайгородов — нюландский губернатор.